

П.В. Алексеев

**Ф.М. Достоевский
и Восток**

Министерство образования и науки РФ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Горно-Алтайский государственный университет»

Ф.М. Достоевский и Восток

Монография

Горно-Алтайск
Библиотечно-издательский центр ГАГУ
2017

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2 Рос=Рус)
А 47

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 15-34-01258 «Концепция Востока в художественной прозе и публицистике Ф.М. Достоевского»

В оформлении обложки использована репродукция мозаики VI в. с изображением карты Иерусалима (Мадаба, Иордания), фотография К. Раддато

Рецензенты:

Лебедева О.Б., доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета;

Дмитриева Е.Е., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Алексеев П.В.
А 47   Ф.М. Достоевский и Восток. — Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ,
2017. — 152 с.

ISBN 978-5-91425-144-1

Монография П.В. Алексеева посвящена изучению концепции Востока в художественном творчестве и публицистике Ф.М. Достоевского 1854-1877-х гг. На широком материале автор доказывает, что ориентализм Достоевского был стройной системой представлений, связанных с имперскими практиками Европы и России, а также участвовал в формировании его художественного языка, мировоззрения и философии.

Монография адресована филологам, культурологам, историкам, философам, а также тем, кто интересуется проблемами русской словесности и межкультурного взаимодействия.

ISBN 978-5-91425-144-1

© П.В. Алексеев, текст, 2017

© Горно-Алтайский государственный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
---------------	---

ГЛАВА 1. МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК В ПОЭТИКЕ И МИРОВОЗЗРЕНИИ ДОСТОЕВСКОГО	9
1.1. Краткий обзор основных исследований.....	9
1.2. Общие замечания.....	12
1.3. Восток как художественный прием.....	15
1.4. Концепция фатализма.....	17
1.5. Об автореминисцентности образа Магомета	20
1.6. Эволюция образа мусульманского Востока	22

ГЛАВА 2. ОБРАЗ МАГОМЕТА: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ И ПУТЬ К САМОПОЗНАНИЮ.....	25
2.1. Кувшин Магомета: символ и знак	25
2.2. Литературные источники мотива кувшина Магомета	26
2.3. О мифопоэтике и физиологии эпилепсии.....	32
2.4. Эпилепсия Магомета и Достоевского в контексте ориентализма А.С. Пушкина	42

ГЛАВА 3. КОНЦЕПЦИЯ КИТАЯ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.....	47
3.1. Историография вопроса.....	47
3.2. Основные черты образа Китая у Достоевского.....	53
3.2.1. Китай как далекий «Другой».....	54
3.2.2. Россия, Китай и европейское просвещение.....	60
3.2.3. Китай как угроза	64

ГЛАВА 4. КИТАЙСКАЯ ТЕМА В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1873 ГОД	71
4.1. Художественно-публицистическая основа «Дневника писателя»	71
4.2. Китай и проблема идентичности в имперском дискурсе.....	76
4.3. Китай, «китайщина» и ориенталистские стереотипы.....	82
4.4. Семиотика муравейника	84
4.5. Мифопоэтика инициации и «внутренний» Китай	89
4.6. Китай и тема безумия у Достоевского и Гоголя	94
 ГЛАВА 5. СИБИРЬ КАК ВНУТРЕННИЙ ВОСТОК В ВООБРАЖАЕМОЙ ГЕОГРАФИИ ДОСТОЕВСКОГО	102
5.1. Воображаемая география Достоевского.....	102
5.2. Мифологические и имперские полюсы идентичности	106
5.3. Проблема демаркации западного и восточного	108
5.4. Восток в поэзии Достоевского периода Крымской войны	116
5.5. Алтай в воображаемой географии Достоевского	122
5.5.1. Алтай как имперский фронтир	128
5.5.2. Алтай, имперский гигант и «русская идея».....	134
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	140
 СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	144

ВВЕДЕНИЕ

Восток в творческом сознании Ф.М. Достоевского — не череда кратковременных упоминаний восточных реалий, стран и народов, как может показаться на первый взгляд. Восток Достоевского — это часть системы устойчивых представлений, референтных влиятельному во многих отношениях российскому дискурсу ориентализма — важнейшему смысловому полю русского национального самоопределения, основанному на оперировании категориями «Запад», «Россия» и «Восток».

Этот дискурс был непосредственно связан с имперским мышлением XVIII-XIX веков: нетрудно обнаружить, что Достоевский мыслил себя частью великой православной империи, которая стремится расширяться во все стороны, распространяя свое влияние на окружающие народы. При этом вне зависимости от участия писателя в имперских практиках (связь с правительством, его идеологиями и участие в создании имперских мифов), независимо от наличия профессионального востоковедческого знания (которым Достоевский обладал в минимальной степени), само наличие этих псевдогеографических концептов¹ в творческом сознании неоспоримо указывает на

---

¹ Эти концепты «псевдогеографические», потому что в XVIII-XIX веках изначально «Запад» и «Восток» — слова, только напоминающие о сторонах света и их географических реалиях. Сама

то, что автор был включен в дискурс ориентализма, что он оценивал окружающую действительность в определенной связи с алгоритмами, выработанными в рамках этого дискурса.

Все творческое наследие писателя говорит о том, что Восток для Ф.М. Достоевского, как и для предшествовавшей ему литературной традиции, — не просто сторона света, метка на компасе или точка горизонта, откуда поутру всходит солнце. В большинстве крупных и малых прозаических жанров, в набросках и примечаниях, публицистике, эпистолярном наследии и в редких стихотворениях Достоевского — во всем, созданном в период после ссылки можно увидеть как явные, так и скрытые отсылки к восточным культурам, которые никак нельзя признать бессистемными. Восток для Достоевского — прежде всего, культурно-географический концепт, имеющий символическую природу и активно участвующий в процессах его национальной, религиозной и гражданской идентичности.

идея подобного бинарного разделения принадлежала европейцам, стремившимся к формированию самобытности за счет противопоставления отсталым, «нецивилизованным» народам. И если изначально для Англии и Франции нецивилизованные народы (турки, персы, китайцы и др.) действительно располагались на Востоке, то с эволюцией ориенталистских идей в категорию Востока постепенно включились все народы, которых необходимо было описать как «варварские» и «нецивилизованные». Так, в категорию «Восток» были включены территории России, Южной Италии, Северной Ирландии, Балканского полуострова, Северной и Южной Америки и др.

Однако мало обнаружить элементы ориенталистского мышления у Достоевского. Следующим шагом является выяснение и подробный анализ ключевых тем, которые автор рассматривает в этом дискурсе, при этом не обязательно концентрироваться на специфически восточных темах или локусах, поскольку изобретение Востока одновременно сопровождается изобретением Запада, а в случае с русским ориентализмом — еще и бескрайней России, основное тело которой лежит в пространствах Азии.

По мнению польского слависта Т. Позняка, в свою очередь ссылающегося на книгу Э. Кузмы², Достоевский в течение всей своей литературной карьеры не только активно создавал «общую концепцию мифа о Востоке», но и целенаправленно формировал «язык этого мифа»³. Цель этой монографии — установить общие черты и эволюционные моменты ориентализма Ф.М. Достоевского, реконструируемые на материале его художественного творчества и публицистики.

Поскольку эта тема чрезвычайно объемна и отсутствуют сколько бы то ни было серьезные монографические исследования такого взгляда на восточные темы Достоевского, можно считать эту небольшую работу кратким введением, обозначением узловых проблем, которые, как надеется автор, лягут в основу дальнейших научных изысканий достоевсковедения.

---

² *Kuzma E. Mit Orientu i kultury Zachodu w literaturze polskiej XIX-XX wieku. Szczecin, 1980.*

³ *Poźniak T. Dostojewski i Wschód. Wrocław, 1992. С. 12.*

Хронологические рамки исследования опираются на два важных биографических пункта, связывающего Достоевского с темой и пространствами Востока — 1854 год, когда бывший поклонник западных либеральных ценностей поселился в Семипалатинске в самый разгар Крымской (Восточной) войны, совершенно не представляя своего будущего, и 1876-1877 годы, когда Достоевский выступил активным публицистом-издателем в период Балканского кризиса и русско-турецкой войны.

ГЛАВА 1.

МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК В ПОЭТИКЕ И МИРОВОЗЗРЕНИИ ДОСТОЕВСКОГО

1.1. Краткий обзор основных исследований

Образы Востока в творчестве Ф.М. Достоевского неизменно привлекают к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей с 1970-х годов XX века. За рубежом эту проблему поставили и попытались решить такие исследователи, как М. Футрелл, Д. Томпсон, С. Янг, Э. Кузма, Т. Позняк⁴ и др. В статьях и небольших монографиях они указали на важность изучения восточных тем его творчества, но что особенно важно, так это то, что они составили хорошую фактическую базу их изучения.

---

⁴ См.: *Futrell M. Dostoyevsky and Islam (And Chokan Valikhanov) // The Slavonic and East European Review. 1979. Vol. 57. No. 1. P. 16-31; Thompson D.O. Islamic motifs in Dostoevsky's Literary Works, 1846-1866 // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. Budapest, 2009. P. 480-491; Young S. Buddhism in Dostoevsky: Prince Myshkin and the True Light of Being // Dostoevsky on the Threshold of Other Works: Essays in Honour of Malcolm V Jones. Nottingham, 2006. P. 220-229; Kuzma E. Mit Orientu i kultury Zachodu w literaturze polskiej XIX-XX wieku. Szczecin, 1980; Poźniak T. Dostojewski i Wschód. Wrocław, 1992.*

Всякий, кто берется за эту непопулярную тему достоевсковедения, неизбежно сталкивается с такими базовыми константами ориентализма Достоевского, как ссылка в Сибирь, знакомство с каторжниками-мусульманами, дружба с имперским офицером, этническим казаком-мусульманином Ч. Валихановым, просьба брату прислать в Семипалатинск издание Корана, а также антитурецкие, антиевропейские и антисемитские темы его творчества. Конечно, эти факты важны сами по себе и не только в рамках ориентализма, но взятые отдельно, они составляют полноценную литературоведческую проблему, которую наиболее перспективно рассматривать в рамках концепции русского ориентализма⁵.

В отечественном достоевсковедении тема Востока до сих пор никого не вдохновила на полноценный монографический разбор этого проблемно-тематического комплекса, хотя тем исследователям, кому недоступны зарубежные источники, хорошую помощь окажут работы по восточному вопросу, проблемам идентичности, философии и стиля Достоевского принадлежащие перу И.Л. Волгина, П.Е. Фокина, С.А. Кочукова, С.Ф. Шаваринской, Е. Милойкович-Джурич и К. Уразаевой⁶ и др.

---

⁵ Об этой концепции подробнее см.: *Алексеев П.В.* Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 2015.

⁶ *Волгин И. Л.* Нравственные основы публицистики Достоевского (Восточный вопрос в «Дневнике писателя») // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1971. № 4. С. 312-324; *Фокин П.Е.* К

Эти и другие работы только вводят в проблематику ориентализма Достоевского, либо касаются этого вопроса косвенно, подробные же исследования отдельных аспектов поэтики и имагологии восточного текста Достоевского, особенно в аспекте постколониальных штудий, еще ждут своего часа. Эта книга — продолжение ориенталистского подхода к творчеству Достоевского, начатая серией статей⁷ и небольшим разделом об ориентализме

вопросу о генезисе «Дневника писателя» за 1876–1877 гг. (Историко-литературный аспект) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 120–130; Кочуков С.А. Ф.М. Достоевский и русско-турецкая война 1877–1878 годов // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. С. 69–73; Шаваринская С.Ф. Достоевский и Толстой: диалог о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 5. С. 142–145; Милойкович-Джурич Е. Ответ Толстого и Достоевского на «восточный вопрос», 1875–1877. Образы себя и других // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX — первая половина XX в. / Отв. ред. Э. И. Колчинский и А. Петрович; ред.-сост. М. В. Лоскутова и М. В. Хартанович. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 47–55; Уразаева К. Философская публицистика Фёдора Достоевского и статьи Чокана Валиханова: евразийство и отнология русскости // Cuadernos de Rusística Española. 2014. № 10. P. 111–122.

⁷ Алексеев П.В. Мусульманский Восток в поэтике Ф.М. Достоевского // Вестник Омского университета. 2013. № 4. С. 298–301; Алексеев П.В. П.Я. Чаадаев и Ф.М. Достоевский: типы самоориентализации в литературном «изобретении» Востока // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 12–3. С. 157–160; Алексеев П.В. Восток в творческом сознании Ф.М. Достоевского периода Крымской войны // Имагология и

Достоевского в монографии⁸, где было начато ориенталистское рассмотрение концепции Востока, сложившейся в сознании Достоевского. Интертекстуальные основы этой концепции могут продемонстрировать сложность и многоаспектность литературного изобретения Востока одним из ключевых русских национальных писателей второй половины XIX века.

1.2. Общие замечания

Количество узловых образов, тем и идей, на которых строится ориентализм Достоевского, не так велико, и в этой небольшой монографии все они, так или иначе, будут рассмотрены: оценочное восприятие пространств и народов, описываемых как типологически «восточные» (Турция, Китай и Сибирь), переосмысление «протеизма»

компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 30–43; *Алексеев П.В.* Достоевский и Китай: к постановке имагологической проблемы // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г. В 2-х т. Т. 1. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. С. 38–52; *Алексеев П.В.* Ф.М. Достоевский и кувшин Магомета // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 126–141; *Алексеев П.В.* «Китайское» вступление к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 98–112.

⁸ *Алексеев П.В.* Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 2015. С. 292–309.

пушкинских образов Магомета и Корана, сочувственный отклик на антитурецкие восстания славянских народов Балкан (призывы завоевать Константинополь), а также публицистическое обсуждение мессианской роли России на фоне русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

Временем появления Востока как значимой категории творческого сознания Достоевского, безусловно, является омский (1850-1854) и семипалатинский (1854-1859) периоды его жизни: именно здесь предшествующие литературные (главным образом, романтические) образы неевропейских народов и культур обрели связь с реальностью: Достоевский живет в пространстве, где доминируют мусульманские представления о жизни и смерти, где непривычные и по существу чуждые климат и ландшафт, где он лично сближается с этническим казаком — имперским офицером, разведчиком и этнографом-ориенталистом Чоканом Валихановым. Именно в этот период Достоевский включается в дискурс русского ориентализма, чтобы в дальнейшем развивать его мифопоэтику и воображаемую географию, трансформируя вслед за А.С. Пушкиным европейскую дихотомию «Запад-Восток» в триаду «Запад-Россия-Восток» не только на правах литератора и мыслителя, но и на правах знатока европейских, восточных и русских цивилизационных начал.

Большинство исследователей ориентализма Достоевского едины во мнении, что «персональный» интерес Достоевского к личности Магомета возник именно в период ссылки, после проявления эпилепсии. В сознании Достоевского появление его эпилепсии в мусульманском

пространстве Азии⁹ было глубоко символично и осознано при помощи религиозно-мифологических категорий, о чем вспоминала С.В. Ковалевская¹⁰. Воспринимая Магомета, благодаря Пушкину и Казимирскому, как гениального поэта-эпилептика, Достоевский корректирует образ Востока: к общекультурным кодам добавляются собственные переживания и страхи, от которых он не смог избавиться до конца жизни. Поэтому даже в 1870-е гг., когда религиозно-националистические идеи почвы привели к антиисламским (хотя, по существу, скорее к антитурецким, антифранцузским и антианглийским) мотивам «Дневника писателя», образ мусульманского Востока не стал однозначно отрицательным. Благодаря мифологическому восприятию эпилепсии и унаследованным от романтического периода ориентальным концепциям Восток Достоевского во многом остался амбивалентным.

---

⁹ В концепцию «Востока» Т. Позняк вводит также мифопоэтические пространства Сибири, Византии, Вавилона и Иерусалима, а в религиозно-философском плане, кроме ислама, помещает ориентальную проблематику Достоевского в круг «еврейского вопроса» и буддизма. Однако центральной мыслью исследования является положение о решающем историософском и культурологическом понимании писателем места русской культуры между Западом и Востоком. В контексте ориенталистских концепций XIX в. это означало не что иное, как нахождение между миром католицизма и миром ислама.

¹⁰ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М., 1961. С. 106.

1.3. Восток как художественный прием

Семиотика мусульманского Востока имеет глубокие корни в поэтике и мировоззрении писателя. Больше всего это касается таких особенностей его творческого метода, как исключительное внимание к композиции произведений, акцентированная «идейность», интертекстуальность и автоинтертекстуальность, интерес к психологии неординарных личностей, повышенное внимание к миру вещей, внимание к деталям и публицистичность.

Поскольку композиция для Достоевского всегда являлась предметом особого внимания, можно утверждать, что ориентальные элементы, которые повторяются из произведения в произведение, либо употреблены единожды, но связаны с формирующейся в его сознании концепцией мусульманского Востока, прошли строгий отбор и выполняли вполне определенные и осознаваемые автором суггестивные функции. Это хорошо видно в «Двойнике», где Достоевский подчеркивает обывательский образ мыслей Голядкина введением ориентальных кодов: «чалма», «арабские эмиры», «родственники Мухаммеда», «турецкие туфли»¹¹, а также «клеенчатый турецкий диван красноватого цвета».

Эти детали не выполняют самостоятельной художественной функции. Единственная их задача в структуре текста, а также в аналогичных ситуациях в других текстах Достоевского заключается в том, чтобы иронически

---

¹¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 135, 109.

включить образ персонажа в контекст «бульварного чтения» (у Достоевского, в частности, упомянуты журнал О.И. Сенковского и книги М. Комарова, Н. Зряхова и Н. Фромаже). Посредством этого достигалось утверждение эклектичности примитивного мышления, полной неспособности к реальной самооценке и неоправданных претензий на принадлежность к высшему обществу. Однако если ирония восточного кода комнаты Голядкина прочитывалась современниками без труда, то неожиданное использование маркеров мусульманского Востока в мыслях чиновника в произведении, непосредственно не обращенном к Востоку, должно было особо привлечь читательское внимание по принципу контраста и парадокса, усиливая мотив безумства Голядкина.

Заслуживает внимания еще один эпизод мыслительной работы Голядкина на праздновании дня рождения Клары Олсуфьевны, где упоминаются французский министр Виллель и «турецкий визир» Марцимирис:

Сейчас только, — выстаивая, впрочем, уже третий час на холоде, между шкафом и ширмами, между всяким хламом, дразгом и рухлядью, — цитировал он, в собственное оправдание свое, одну фразу блаженной памяти французского министра Виллеля, что «всё, дескать, придет своим чередом, если выждать есть сметка». Фразу эту вычитал господин Голядкин когда-то из совершенно посторонней, впрочем, книжки, но теперь весьма кстати привел ее себе на память. Фраза, во-первых, очень хорошо шла к настоящему его положению, а во-вторых, чего же не придет в голову человеку, выжидающему счастливой развязки обстоятельств своих почти битые три часа в сених, в темноте и на холоде? Цити-

ровав, как уже сказано было, весьма кстати фразу бывшего французского министра Виллеля, господин Голядкин тут же, неизвестно почему, припомнил и о бывшем турецком визире Марцимирисе, равно как и о прекрасной маркграфине Луизе, историю которых читал он тоже когда-то в книжке¹².

До сих пор в научной литературе не было отмечено, что и в описании Андрея Филипповича, и во внезапной ассоциации с Марцимирисом в «Двойнике», появившейся после упоминания французского министра, наблюдается единая схема. Она заключается в том, что представление «человеком-ветошью» высокопоставленного чиновника опирается на мифологему судьбы, осмысленную в контексте восточного деспотизма: фраза «все придет своим чередом» хоть и сказана западным человеком, однако тут же перекрыта более мощной в идеологическом плане мусульманской концепцией фатализма.

1.4. Концепция фатализма

Фатализм как покорность судьбе является для Достоевского важнейшим маркером мусульманского Востока, в этом отношении писатель наследует одну из основных философских концепций романтического ориентализма А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Но, в отличие романтиков, автор «Двойника» и «Преступления и наказания»

---

¹² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. С. 131–132.

применяет его исключительно для усиления трагедии «человека-ветоши» и «твари дрожащей». Раскольников в своей статье дает классификацию людей, в которой «необыкновенные» разрешают себе тиранию над «обыкновенными» (при этом сами от нее свободны), подкрепляя свой тезис ссылкой на «Ликургов, Солонов, Магометов и Наполеонов»¹³.

Магомет в этой концепции Раскольникова не отражает всех представлений Достоевского о личности и деятельности мусульманского пророка. Для Достоевского в «Преступлении и наказании» была важна только политическая деятельность Магомета, мечом отстаивавшего свои убеждения и провозгласившего фатализм краеугольным камнем новой религии для обеспечения народной покорности. Поэтому Магомет не случайно указан во множественном числе — «Магометы», отсылая не к первоисточнику ислама, а к вторичному явлению — деспотизму в восточных странах (сходный прием можно встретить и в «Подростке»¹⁴).

Интересно, что слово «фатализм» в художественном творчестве Достоевского появляется не часто, но каждый раз в одном и том же контексте, где функционируют мотивы безумия, рабства, тирании и попыток восстать против нее, например, в романе «Игрок» (1866) и в повести «Хозяйка» (1847). Василий Ордынцов в «Хозяйке» более

---

¹³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. С. 199–200.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. С. 76.

сложен, чем Голядкин, но главное — он носитель собственной философской концепции. Это формирует важный для Достоевского тип героя-мечтателя, позднее продолженный в повестях «Неточка Незванова» (1848), «Белые ночи» (1848) и в романе «Преступление и наказание» (1866). «Философичность» Ордынова проявляется в том, что он, кроме прочего, оценивает происходящее с ним философскими категориями, отсылающими все к той же концепции «восточного деспотизма», в данном случае — деспотизма судьбы («рокового фатализма»).

В «Игроке» (1867) разрабатывается тема судьбы и власти денег над человеком, значимая не только для Достоевского, но и для общества в целом. В прессе периода работы над романом и позднее, когда Петербург охватил «биржевой азарт», мифологема тирана обсуждалась довольно часто, например, в 1873 г. Н.В. Шелгунов, иронизируя над «биржевыми страстями», пишет: «Я бы хотел быть Ротшильдом; конечно, это труднее, чем быть Магометом или Шекспиром, но зато можно совершать чудеса...»¹⁵ Тема Ротшильда возникнет также в «Подростке», но важен сам факт общеизвестной семантической сцепки понятий богатства (Ротшильд) и тирании (Магомет), объясняющей причины отклика на них Достоевского.

В этих автореминисценциях проявляется одна из особенностей Достоевского, которая сближает его с А.С. Пушкиным: оба обладали специфическим типом литера-

---

¹⁵ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 17. С. 298.

турного мышления, «во многом цитатного и реминисцентного, оперирующего готовыми культурными знаками с целью и результатом создания нового, оригинального и уникального в своей единственности смысла при всей общности слагающих этот смысл элементов»¹⁶, оба художника снова и снова обращаются к волнующим их темам, экспериментируя с различными контекстами, но идеологические корни этих контекстов легко опознаваемы в силу их повторяемости.

1.5. Об автореминисцентности образа Магомета

Ярким примером автореминисцентной природы ориентализма Достоевского может служить мотив «кувшина Магомета», призванный актуализировать проблему разграничения внутреннего и внешнего времени и пространства: пророк совершил «горизонтальное» путешествие из Мекки в Иерусалим, а оттуда «вертикальное» — на спине крылатого животного на небо, где получил заповеди от Бога (в мусульманской культуре это путешествие называется «миградж»).

И все это за такое короткое «внешнее» время, что, вернувшись, Магомет успел остановить падение кувшина. «Кувшин Магомета» появляется в V главе 2-й части

---

¹⁶ Лебедева О.Б. Интертекстуальность «больших контекстов» в творчестве А.С. Пушкина. Köln–Weimar–Wien: Böhlau Verlag, 2014. С. 7.

романа «Идиот», а затем этот мотив составляет основу V главы в 3-й части романа «Бесы» (диалог Шатова и Кириллова). Во всех указанных местах речь идет об эпилепсии, точнее, о психофизиологических ощущениях человека в момент, предшествующий эпилептическому припадку, и, собственно, во время припадка. Отсылка к личности Магомета, а затем неоднократное воспроизведение одного и того же мотива в разных текстах говорят о том, что в основе этого приема лежит четкая, очень значимая для Достоевского идея: извлечь проблему эпилепсии из сферы патологии и рассмотреть ее в аспекте профетизма и гениальности – подробнее на этом остановимся в следующей главе.

Изначально интертекстуальный образ Магомета развивается в комплексе проблемы соборности¹⁷ и противостоящего ей индивидуализма, где Достоевский однозначно выбирает соборность, а Магомета, как индивидуалиста, породившего целую систему, смещает в сферу «наполеонизма», при котором «избранник» путем прохождения различных испытаний стремится утвердить

---

¹⁷ Идея соборности — одна из главных философских основ поэтики и риторики Достоевского. Так, по мысли Т.А. Касаткиной, в рамках этой идеи развивался также «антисемитизм» писателя: он «выступает против еврейской идеи “национальной исключительности” как идеи враждебной русской идее соборности и все единства, в своих аргументах он упирает на то, что не русский, но еврей никогда не захочет “соединиться” с русским». См.: Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. С. 326.

себя и свою исключительность в мире, согласуясь с наполеоновским мифом как моделью для подражания, как историей, требующей повторения»¹⁸. Проблема самозванного избранничества будет особенно волновать Достоевского в 1870-е годы.

О наполеоновской теме, ее наполнении и генезисе у Достоевского говорилось неоднократно, но в контексте вопроса об ориентализме необходимо отметить, что интерес к психологии исключительных личностей Достоевский наследует из литературного и общественно-политического контекста последекабристской эпохи и прежде всего из творчества Пушкина (как пример — упоминание Наполеона в «Путешествии в Арзрум»).

1.6. Эволюция образа мусульманского Востока

Последние годы жизни Достоевского отмечены усилением публицистического начала его поэтики, и это значительно трансформировало образ мусульманского Востока. Этот период характеризуется развитием в сознании Достоевского религиозно-философской идеи почвенничества, а также в контексте его «навязчивых»¹⁹ публици-

---

¹⁸ Подосокорский Н.Н. Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. С. 3.

¹⁹ Подробнее см.: Futrell M. Dostoyevsky and Islam (And Chokan Valikhanov) // The Slavonic and East European Review. 1979. Vol. 57, No. 1. P. 16–31.

стических высказываний о восточном вопросе в «Дневнике писателя», где автор «совмещает различные мировоззренческие позиции, демонстрирует сложную диалектику мышления и видения мира»²⁰.

На «восточный вопрос» Достоевский обратил внимание еще в период Крымской войны, затем в 1871 г. после возвращения из-за границы, но уже в конце 1970-х гг. он сделался едва ли не основной повесткой его общественно-политических рассуждений, став особенно актуальным в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Восточный вопрос в публицистике Достоевского — предмет отдельного рассмотрения, здесь достаточно будет указать, что в этот период образ мусульманского Востока сузился до пределов Порты и приобрел однозначно негативную окраску. Ислам стал символом турецкой идеологии и демоническим противником православия, которое Достоевский поставил в «основание своих историсофских построений»²¹, предлагая для решения «восточного вопроса» овладеть Константинополем и объединить под религиозным знаменем России все восточнославянские народы. Таким образом, политический вопрос об освобождении славянских народов от протектората слабеющей Османской империи в глазах Достоевского вырос до религиозно-националистического, а не-

---

²⁰ Короткова О.В. Смешной человек в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: коммуникативные стратегии в публицистике // Филологические науки. 2001. № 3. С. 47.

²¹ Де Лазари А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М., 2004. С. 98.

гативные и местами сатирические образы Корана, Магомета и мусульман стали неотъемлемой частью его националистической риторики.

Последний роман Достоевского «Братья Карамазовы» показывает, что религиозно-политический «восточный вопрос» нашел отражение и в литературном тексте Достоевского, где также появляются негативные характеристики ислама и мусульман. Наиболее ярко это нашло отражение в эпизоде спора о вероотступничестве, где темой выступает история о пленном русском солдате, который предпочел смерть принятию ислама. Смердяков, выполняя роль антагониста «русской веры» Алеши Карамазова, проявляет чудеса казуистической логики и доказывает, что если бы солдат переменил веру, греха бы на нем все равно не было. С логической точки зрения Смердяков побеждает в споре, но на идеологическом уровне верх одерживает Алеша.

Симуляция эпилептического припадка Смердяковым также может быть прочитана как тенденциозное развитие темы «наполеонизма», как неприкрытый намек на религиозную проблему истинного и ложного пророчества. Это могло привести к неверному выводу о том, что эволюция образа мусульманского Востока в поэтике Достоевского прошла от раннего философского интереса к полному его отрицанию. На самом деле восточный вопрос привел писателя к еще более глубоким философским обобщениям, начало которым было положено в период Крымской войны 1853–1856 гг.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ МАГОМЕТА: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ И ПУТЬ К САМОПОЗНАНИЮ

2.1. Кувшин Магомета: символ и знак

Наиболее существенно в художественной системе Достоевского Магомет обозначен через художественную деталь, которая может показаться малозначительной, — кувшин, ставший его метонимическим заместителем.

Этот предмет восточного быта неоднократно встречается в творчестве Достоевского, но никогда не получает материальной «прописки» — неизвестна его форма, материал, из которого он изготовлен, не ясно и его бытовое предназначение. Можно заключить, что ни сам Магомет, ни его вероучение, ни его жизнь Достоевскому не были интересны — его волновал только один эпизод, связанный с предполагаемой патологией мусульманского проповедника, в котором каждый раз фигурировал этот кувшин.

Кувшин Магомета — один из наиболее ярких восточных образов, репрезентирующих специфику ориентализма Ф.М. Достоевского. Эксплицитно в творчестве писателя он встречается несколько раз — в романе «Идиот» (1868) и в романе «Бесы» (1871-1872), имплицитно — в образе Смердякова в романе «Братья Карамазовы» (1879-

1880) и в записных книжках 1864-1865 годов (о специфике и роли этих записей в творчестве писателя прекрасно изложено в работе Г.М. Фридлендера²²), позволяя тем самым говорить о вполне сложившемся литературном мотиве, обладающем определенным нарративным потенциалом.

Кувшин Магомета в творчестве Достоевского выполняет функции знака, обращенного к проблеме самоидентификации писателя: во всех случаях своего употребления этот образ обозначает не сам себя (предмет бытовой утвари арабского проповедника «лжеучения»), а нечто иное, поскольку расположен вне вещественного мира этих художественных текстов.

2.2. Литературные источники «кувшина Магомета»

Чтобы рассмотреть, какие функции выполняет этот мотив, прежде всего, следует обратиться к его генезису. Ф.М. Достоевский и его читатели в общих чертах знали основные факты биографии Магомета — она была подробно описана в таких популярных источниках, как «Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre» Г.

---

²² Фридлендер Г.М. Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста // Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М., 1971. Т. 83. С. 93–122.

Вейля²³ и «On Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History» Т. Карлейля²⁴ и др. Косвенное отношение к этому вопросу имеет жизнеописание Магомета из предисловия к французскому переводу Корана К.-Э. Савари²⁵: вряд ли Достоевский был знаком с этим старым французским изданием, но именно оно повлияло на гуманистическое восприятие мусульманского пророка А.С. Пушкиным в период его написания цикла «Подражания Корану» и стихотворения «Пророк»²⁶ — эти тексты имеют конструктивное значение не только для ориентализма, но и для всего художественного мира Достоевского.

Обратимся к указанной выше работе Карлейля, блестящего английского лектора-импровизатора и проповедника, заслужившего при жизни репутацию «пророка». В главе «The Hero as Prophet. Mahomet: Islam», основанной на лекции, прочитанной 8 мая 1840 г., Карлейль одним из первых западных мыслителей рассматривает Магомета не как досадную ошибку истории и не как сознательного обманщика. Вопреки мнению Т.И. Орнатской

---

²³ *Weil G. Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre. Stuttgart, 1843.*

²⁴ *Carlyle T. On Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History/ London: Chapman and Hall Limited, 1841.*

²⁵ *Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, et précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés, Paris, Amsterdam, etc. chez les libraires associés, 1786.*

²⁶ *Алексеев П.В. «Le Coran» Савари как источник «Подражаний Корану» А.С. Пушкина // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 36-43.*

и Г.М. Фридлендера²⁷, следует признать, что для конца 1830-х — начала 1840-х годов Карлейль в целом рисует весьма положительный образ Магомета (главный его тезис: некое подобие христианства все же лучше глухого язычества). Он утверждает, что не может быть «случайным враньем» религия, которую исповедует сто восемьдесят миллионов человек на протяжении двенадцати столетий и восклицает: «Foggy and Juggler? No, no! This great fiery heart, seething, simmering like a great furnace of thoughts, was not a juggler's»²⁸, и далее добавляет, что главной чертой Корана была искренность: «Sincerity, in all senses, seems to me the merit of the Koran»²⁹.

Не боясь прослыть проповедником Корана, Карлейль соглашается с тем, что Магомет был восточным варваром, но варваром достойным всяческого уважения и восхищения. И хотя коранический текст, по его мнению, не представляет в художественном отношении ничего ценного, он не скупится на похвалы человеческим качествам его автора. Достоевский мог познакомиться с выдержка-

---

²⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 1. С. 495.

²⁸ «Мошенник и обманщик? Нет, нет! Это было великое пламенное сердце, бурлящее, кипящее как громадная печь мыслей, это не было сердце обманщика» (Перевод наш. — П.А.). См.: *Carlyle T. On Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History/* London: Chapman and Hall Limited, 1841. P. 67.

²⁹ «Искренность во всех отношениях, как мне кажется, — главная заслуга Корана» (Перевод наш. — П.А.).

ми из этой лекции на русском языке, опубликованными во втором номере «Современника» за 1856 г.

Однако наиболее вероятным источником образа кувшина Магомета в творчестве Достоевского по праву считается книга американского писателя В. Ирвинга «Mahomet and his successors»³⁰, впервые опубликованная в 1849 году в Нью-Йорке и Лондоне и с тех пор многократно переиздаваемая (например, в 1850, 1860, 1868, 1869, 1871 и т.д., всего к настоящему моменту более 20 изданий). Читательский интерес к этому сочинению Ирвинга объясним не столько хорошей репутацией писателя, сколько несомненными достоинствами стиля и подхода к излагаемому материалу, во многом сходного с подходом Карлейля: оставив в стороне вопрос о научном содержании книги, следует сказать, что Ирвинг живо, просто и доходчиво формирует образ Магомета, органичный воображаемому европейцами Востоку. Яркости сформированного Ирвингом образа арабского пророка несколько не мешали некоторые противоречия, подробно рассмотренные в исследовании Р. Дж. Ласины³¹.

Достоевский познакомился с книгой Ирвинга в русском переводе П. Киреевского, вышедшем в Москве в 1857 году под названием «Жизнь Магомета. Сочинение Вашингтона Ирвинга». Из этого перевода Достоевский

---

³⁰ *Irving V. Mahomet and his successors. New York; London: The Co-operative Publication Society, 1849.*

³¹ *Lacina R.G. Inconsistencies in Washington Irving's characterization of Mahomet in the first volume of Mahomet and His Successors // Retrospective Theses and Dissertations. Paper 58, 1990.*

узнает один из системообразующих сюжетов мусульманского мира — легенду о ночном путешествии Магомета в Иерусалим и оттуда — на седьмое небо на встречу с Аллахом: пророк совершил т.н. «миградж» с подачи архангела Гавриила на чудесном коне Аль-Бораке, встретился со всеми прежде бывшими пророками и получил от божества заповедь молитвы. При этом путешествие по земному времени было столь стремительным, что «возвращаясь, Магомет еще мог остановить совершенное падение сосуда с водою, который архангел Гавриил, улетаая, задел крылом»³². При этом интересно, что Достоевский использует образ кувшина, а не «сосуда», как у Киреевского, или «вазы», «vase» как в английском оригинале³³.

Эта во многих отношениях «замечательная»³⁴ книга Ирвинга привлекла к себе внимание не только Достоевского. Так, например, во втором номере «Современника» за 1858 год вышла в целом положительная рецензия Н.А. Добролюбова, из которой можно извлечь несколько любопытных замечаний.

Во-первых, критик в очередной раз отметит тот факт, что биография пророка Магомета — удел не узких специалистов, а вполне общеизвестный факт («Кому же не

---

³² Жизнь Магомета. Сочинение Вашингтона Ирвинга. Пер. с англ. П. Киреевского. М.: В Университетской Типографии, 1857. С. 90.

³³ *Irving V. Mahomet and his successors*. New York; London: The Co-operative Publication Society, 1849. P. 95.

³⁴ Книжный вестник, Журнал книжно-литературной деятельности в России. 1864. № 17 от 15 сентября. С. 322.

известна история жизни Магомета в главнейших ее фактах?»³⁵), который можно использовать для размышлений не только над проблематикой западно-восточных взаимодействий, но и для обсуждения важных общественно-политических, эстетических и философских проблем. Добролюбов, собственно, так и поступил: рассуждая о рецепции Магомета современными историками, критик ставит вопрос о естественном происхождении религии, сообразном «с характером самого учения и с характером народов, которые его приняли»³⁶. Таким образом, главное не то, как личности определяют историю, а то, что «вследствие исторических-то обстоятельств и являются личности, выражающие в себе потребности общества и времени»³⁷.

Во-вторых, подход Ирвинга к биографии великих личностей только утвердил Добролюбова в мысли, что необходимо воспринимать Магомета вне догматических стереотипов, как человека, наделенного слабостями во всей полноте его жизненной ситуации. Именно поэтому, считает Добролюбов, повторяя Карлейля и Ирвинга, не стоит считать Магомета корыстным обманщиком и завоевателем, воспламенившим на подвиги сонный восточный народ. Все эти стереотипы опровергаются подробным обзором исторических обстоятельств. Освобождая образ Магомета от догматических стереотипов, Доб-

---

³⁵ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ. литературы, 1961-1964. Т. 2. С. 273.

³⁶ Там же. С. 275.

³⁷ Там же. С. 273.

ролюбов открывает путь к сопереживанию читателей мусульманскому проповеднику, обманутому своими видениями, возникшими в следствии эпилепсии (старое название, распространенное в XIX веке — «падучей болезни»).

2.3. О мифопоэтике и физиологии эпилепсии

Характер восприятия эпилепсии, сформированный в диалоге с книгой Ирвинга, является исходной точкой формирования мотива «кувшина Магомета» у Достоевского. Более того, следует признать, что специфика восприятия эпилепсии лежит в основе ориентализма Достоевского.

Дело в том, что обращение Достоевского к сочинению Ирвинга объяснимо не только общим интересом общественности к восточным темам и западно-восточной дихотомии после Крымской (восточной) войны 1853-1856-х годов (о чем в рецензии на книгу Н. Жеребцова «Efesai sur l'histoire de la civilisation en Russie» в 1858 году писал тот же Добролюбов³⁸) и благоприятными отзывами на новые западные труды о существовании магометанской религии, но прежде всего переживанием автора по поводу эпилепсии, мучительное осознание которой начались у писателя в 1850 году³⁹. Здесь принципиально

---

³⁸ Добролюбов Н.А. Указ. соч. Т. 3. С. 256.

³⁹ Справедливости ради отметим, что эта датировка признается не всеми исследователями, например, современник Досто-

важно, что важнейшая функция, которую выполняет в творчестве Достоевского мотив кувшина Магомета, непосредственно связана с мифопоэтикой и физиологией эпилептического припадка. Назовем эту функцию идентификационной.

Эта функция напрямую обусловлена необходимостью писателя осмыслить свою «падучую болезнь» вне определений патологии. Вспомним, что современники Достоевского не раз упрекали его в «болезненном» характере воображения⁴⁰, не вполне здоровой фиксации на определенных темах и излишней жестокости по отношению к собственным персонажам. Достоевский целена-

---

евского С.Д. Яновский указывает, что приступы падучей случались в Петербурге «за три, а может быть, и более лет до арестовывания его по делу Петрашевского» (см.: *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений*. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 28. Ч. 1. С. 431).

В официальных бумагах и письмах Достоевского семипалатинского периода делается упор на «падучую», вероятно, по двум причинам: в связи с усилением болезни и в связи с надеждой писателя использовать это как весомый аргумент для отъезда в столицу. Поэтому, обозначив 1850-й год точкой условного рождения этой проблемы, постараемся воздержаться от искушения напрямую связывать специфику восприятия эпилепсии Достоевским с биографическим эпизодом его жизни в восточном пространстве Сибири и казахской степи (см.: *Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского*. В 3 т. СПб.: Гуманитарное Агентство «Академический проект», 1999. Т. 1. С. 185).

⁴⁰ Волгин И. Поверх барьеров. Загадка «Дневника писателя» // *Достоевский Ф.М. Дневник писателя*. В 2 т. Т. 1. М.: Книжный клуб 36.6, 2011. С. 15-16.

правленно создает миф об особой роли эпилепсии в деле прозрения бытия — таком важном для художников и пророков. Так, например, в записной книжке Достоевского периода 1864-1865-х годов обнаруживается запись, в которой можно в большей степени увидеть скрытую аллюзию на Магомета (в меньшей — на Цезаря или Наполеона):

Да, я болен падучею болезней, которую имел несчастье получить 12 лет назад. Болезнь в позор не ставится. Но падучая болезнь не мешает деятельности. Было много даже великих людей в падучей болезни, из них один даже полмира перевернул по-своему, несмотря на то, что был в падучей болезни⁴¹.

Говоря об этом «одном из великих людей», Достоевский использует оборот «несмотря на», в котором видна досада, однако уже позднее, в романе «Идиот» (1868) оценка падучей кардинально меняется: теперь уже благодаря падучей Мышкин сохраняет жизнь, а подробное описание припадка во всей его ужасающей неординарности становится способом автора объяснить неординарность персонажа. Миф формируется постепенно, но вполне целенаправленно.

Идентификационная функция этого мифологического мотива определяет остальные: нарративную (участие в развитии сюжетных линий), интертекстуальную (связь с

---

⁴¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 20. С. 198.

другими текстами Достоевского и с литературными традициями России, Востока и Запада), философскую (новый взгляд на пространственно-временную организацию мира) и этическую (участие в решении проблем истинных и ложных высказываний).

О комплексе этих функций, прямо связанных одна с другой, следует сказать подробно, опираясь на тексты Достоевского в широком литературном контексте. Так, князь Мышкин, прежде чем упомянуть кувшин Магомета, рассуждает об эпилептическом приступе, актуализируя важность философской категории мгновения («минута», «секунда»), «за которые можно отдать жизнь»⁴². Позволим себе привести пространную цитату, вполне иллюстрирующую не только клиническую картину ауры⁴³, предшествующей эпилептическому припадку, но и

---

⁴² Интересно, что образ князя Мышкина в свете проблемы эпилепсии рассматривался также как пример буддийских, а не только мусульманских тем Достоевского. См.: *Young S. Buddhism in Dostoevsky: Prince Myshkin and the True Light of Being // Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds. Essays in honour of Malcolm V. Jones. Bramcote Press: Ilkeston, Derbyshire. 2006. P. 220-229.*

⁴³ Ср.: «Зрительная эпилептическая аура, как и другие виды эпилептических аур, представляет собой короткий фокальный сенсорный эпилептический приступ, протекающий при сохранном сознании и сопровождающийся субъективными ощущениями пациента. Зрительные ауры могут клинически проявляться простыми галлюцинациями, сложными галлюцинациями, иллюзиями и негативными зрительными феноменами» (Барлетова Е.И., Кременчугская М.Р., Мухин К.Ю., Глухова Л.Ю., Миронов

этико-философское восприятие этой ситуации Достоевским:

Ощущение жизни, самосознания почти удесятерилось в эти мгновения, продолжавшиеся как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое — то высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствием той окончательной секунды (никогда не более секунды), с которой начинался самый припадок. Эта секунда была, конечно, невыносима. <...> Ведь не видения же какие-нибудь снились ему в этот момент, как от хашиша, опиума или вина, унижающие рассудок и искажающие душу, ненормальные и несуществующие? Об этом он здраво мог судить по окончании болезненного состояния. Мгновения эти были именно одним только необыкновенным усилением самосознания, — если бы надо было выразить это состояние одним словом, — самосознания и в то же время самоощущения в высшей степени непосредственного <...> это та же самая секунда, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего, однако, в ту самую секунду обозреть все жилища Аллаховы⁴⁴.

М.Б. Клиника и диагностика зрительных эпилептических аур // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2012. № 6-2. Т. 112. С. 97).

⁴⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 8. С. 188-189.

В эпизоде встречи на лестнице князя Мышкина и Рогожина, замыслившего его убийство, приступ падучей чрезвычайно важен писателю и как сюжетный ход (Рогожин в испуге бежит от бьющегося в конвульсиях князя, не совершив его убийства), и как повод к философскому обобщению. По этой причине Достоевский последовательно изучает припадок: каким его видят люди, а также то, что ощущает сам человек⁴⁵:

Затем вдруг как бы что-то разверзлось пред ним: необычайный внутренний свет озарил его душу. Это мгновение продолжалось, может быть, полсекунды; но он, однако же, ясно и сознательно помнил начало, самый первый звук своего страшного вопля, который вырвался из груди его сам собой и который никакою силой он не мог бы остановить. Затем сознание его угасло мгновенно, и наступил полный мрак. <...> В это мгновение вдруг чрезвычайно искажается лицо, особенно взгляд. Конвульсии и судороги овладевают всем телом и всеми чертами лица. Страшный, невообразимый и ни на что не похожий вопль вырывается из груди; в этом вопле вдруг исчезает как бы всё человеческое, и никак невозможно, по крайней мере очень трудно, наблюдателю

---

⁴⁵ Ср.: «Из-за спутанности сознания в период ауры и во время припадка больной затрудняется точно описать свое состояние. <...> При опросе могут помочь намеки больному с указанием некоторых типичных переживаний: странные ощущения в животе, груди, голове, онемение, покалывание, появление необычного запаха, галлюцинации и иллюзии, головокружение, затруднения подобрать слова, страх, тревога» (Дзяк Л.А., Зенков Л.Р., Кириченко А.Г. Эпилепсия. К.: Книга-плюс, 2001. С. 23-24).

вообразить и допустить, что это кричит этот же самый человек. Представляется даже, что кричит как бы кто-то другой, находящийся внутри этого человека. Многие, по крайней мере, изъясняли так свое впечатление, на многих же вид человека в падучей производит решительный и невыносимый ужас, имеющий в себе даже нечто мистическое⁴⁶.

Мотив внутреннего света, выделенного Достоевским курсивом в этом отрывке, имеет чрезвычайное значение для писателя. Он описывал это как внутренний очевидец подобных событий, сближая т.н. «прозрение», наступающее в минуту эпилептического припадка с понятием прозрения, имеющего место в минуту поэтического вдохновения, только описывая прозрение в припадке как более сильное и «мистическое»⁴⁷. При этом Достоевский чувствует необходимость провести параллель (хотя бы и в формуле отрицания) с наркотическим опьянением от «хашиша, опиума или вина»⁴⁸, формируя в тексте дополнительный восточный мотив: употребление гашиша и опиума в основе своей связывалось с восточным образом жизни. Таким образом, «усиление самосознания» и «необычайный внутренний свет» становятся критерием важнейшего события внутренней жизни творческого человека — «негаданное дотоле чувство полноты, меры,

---

⁴⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 8. С. 195.

⁴⁷ О связях между эпилепсией и «мистическим опытом» см.: Bradford D.T. Emotion in mystical experience // Journal Religion, Brain & Behavior. 2013. Vol. 3. P. 103-118.

⁴⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 188.

примирения и восторженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни»⁴⁹, без чего немислимо рождение подлинной художественности.

В романе «Бесы» мотив кувшина Магомет также появляется в контексте «падучей». Кириллов признается Шатову, что у него один раз в три дня или в неделю случаются «минуты вечной гармонии». Кириллов описывает свое состояние, почти дословно повторяя ощущения князя Мышкина:

Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть, Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: «да, это правда, это хорошо». Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о — тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость. Если более пяти секунд-то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что стоит⁵⁰.

---

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 10. С. 450.

Если допустить, что мысль об эпилепсии как мифологическом знаке и не была инициирована жизнеописаниями «эпилептика Магомета», а явилась собственным убеждением Достоевского, вероятно, после 1850 года, то даже в таком случае образ Магомета будет важен как еще одно подтверждение особой роли этого недуга в истории и культуре разных народов и стран. В научной литературе (главным образом, за рубежом) вопросы патографии Достоевского и проблемы влияния эпилепсии на творчество рассматривались неоднократно⁵¹, не будем останавливаться на этом подробно.

---

⁵¹ *Wolf P.* Epilepsy and metaphors in literature // *Epilepsy & Behavior*. 2016. Vol. 57. P. 243-246; *Iniasta I.* Epilepsy in Dostoevsky // *Progress in Brain Research*. 2013. Vol. 205. P. 277-293; *Wolf P.* The epileptic aura in literature: Aesthetic and philosophical dimensions. An essay // *Epilepsia*. 2013. Vol. 54. P. 415-424; *Rossetti A.O.* Dostoevsky's epilepsy: Generalized or focal? // *Epilepsy & Behavior*. 2006. Vol. 8. Iss. 2. P. 446-447; *Hughes J.R.* The idiosyncratic aspects of the epilepsy of Fyodor Dostoevsky // *Epilepsy & Behavior*. 2005. Vol. 7. Iss. 3. P. 531-538; *Fari F.* Epilepsy and Literary creativeness: Fyodor M. Dostoevsky // *Friulian Journal of Science*. 2003. Vol. 3. P. 51-67; *Rice J.L.* Dostoevsky and the Healing Art: An Essay in Literary and Medical History. Ann Arbor: Ardis, 1985; *Gastaut H.* New Comments on the Epilepsy of Fyodor Dostoevsky. *Epilepsia*. 1984. Vol. 25. P. 408-411; *Voskuil P.H.A.* The Epilepsy of Fyodor Mikhailovitch Dostoevsky (1821-1881) // *Epilepsia*. 1983. Vol. 24. P. 658-667; *Alajouanine T.* Dostoiowski's epilepsy // *Brain*. 1963. Vol. 86. P. 210-218. С обзором проблемы на русском языке можно ознакомиться здесь: *Пылаева О.А.* «Эпилепсия Достоевского», эмоциональная провокация приступов и экстатические переживания в структуре

Присутствие Магомета в цепочке знаменитых эпилептиков от Цезаря до Наполеона привносит в автобиографии Достоевского профетический код, независимо от этических и конфессиональных оценок его личности. В тексте Ирвинга мы можем обнаружить несколько упоминаний о падучей болезни Магомета, но главное — в контексте первого провозглашения архангелом Гавриилом Магомета как пророка. При этом в тексте возникает семантика яркого света:

Тогда Магомет внезапно почувствовал, что ум его озарился небесным светом, и он прочел письма на шелковой ткани, которые содержали в себе веления Божии, провозглашенные после в Коране. Когда он дочел, божественный посланник возвестил ему: «О Магомет! Воистину ты пророк Божий, а я Гавриил, Его ангел!»⁵².

Ирвинг, со ссылкой на вопрос о падучей болезни, поставленный в жизнеописании Магомета Г. Вейля, настаивает на том, что только таким образом можно объяснить происхождение откровений мусульманского пророка⁵³.

Этому провозглашению пророка и внезапному «озарению» Магомета во многих жизнеописаниях предшест-

---

эпилептических приступов (обзор литературы) // Русский журнал детской неврологии. 2010. Т. 5. Вып. 4. С. 39-50.

⁵² Жизнь Магомета. Сочинение Вашингтона Ирвинга. Пер. с англ. П. Киреевского. М.: В Университетской Типографии, 1857. С. 38.

⁵³ Там же. С. 39-40.

вует указание на то, что ангел Гавриил сжимал грудь перепуганного араба и требовал прочесть предлагаемый свиток. Тот отказывался, ссылаясь на свою неграмотность, и так повторялось трижды. Таким образом, прозрению бытия, этой вселенской гармонии откровения непременно предшествует физическая боль. И если в мифологическом нарративе эта боль — следствие насильственных действий ангела, то в медицинском ключе — это вероятные признаки какой-то патологии.

2.4. Эпилепсия Магомета и Достоевского в контексте ориентализма А.С. Пушкина

Поскольку первый, кто системно и фундаментально ввел Коран и его автора в русскую высокую словесность был А.С. Пушкин («Подражания Корану», «Пророк»), столь значимый для мировоззрения Достоевского, имеет смысл указать на тот факт, что мотив кувшина Магомета может быть концептуально связан с пушкинской связкой мотивов Магомета, Корана, прозрения бытия, поэтического вдохновения, а также проблемы назначения творчества.

Мало кто из исследователей обращал внимания на то, что натуралистическое превращение обычного человека в того, кто будет «жечь глаголом сердца людей» в стихотворении «Пророк», чрезвычайно напоминает некий аналог эпилептического припадка. Приведем это стихотворение, выделив курсивом слова, соответствующие в своей совокупности концепции припадка «паду-

чей» у Достоевского и Ирвинга, а также клинической картине ауры с точки зрения современной невропатологии.

<...> Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал <...>⁵⁴

Итак, мы видим, что в таком описании обретения пророческого дара Достоевский мог сознательно или бессознательно почувствовать близость с собственными

---

⁵⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 2. С. 304.

ощущениями, возникающими в период припадка: в тексте Пушкина конструируется нарратив физических, весьма мучительных изменений состояния тела и психики персонажа, в общих чертах сходных с описаниями восторженной (экстатической) ауры, характерной при мезиальной височной эпилепсии (как у Достоевского⁵⁵): экстатические состояния, ужас, боль в груди, звон в ушах, «прозрения» всех сфер бытия, невозможность говорить и, наконец, обморочное (полумертвое) состояние. Ирвинг, как мы помним, приводил легенду о ритуальном рассечении груди Магомета⁵⁶, а также со ссылкой на Вейля указывал, что звон в ушах — вернейший признак эпилептического припадка⁵⁷.

---

⁵⁵ На сегодняшний день существует три теории о том, какой диагноз был у Ф.М. Достоевского: истерия (З. Фрейд, Дж. Франк), генерализованная эпилепсия (А. Гасто) и парциальная эпилепсия (Т. Алажуанин, М. Ланд). В статье «Страдал ли Федор Михайлович Достоевский мезиальной височной эпилепсией?» международная группа исследователей, проанализировав биографические данные о недуге Достоевского, а также его персонажей-эпилептиков и стиль письма, пришла к выводу, что подтверждается третий диагноз: парциальная эпилепсия с локализацией в височной зоне коры головного мозга. См.: *Baumann C. R., Novikov V. P.I., Regard M., Siegel A.M. Did Fyodor Mikhailovich Dostoevsky suffer from mesial temporal lobe epilepsy? // Seizure. 2005. Vol. 14. P. 324-330.*

⁵⁶ Жизнь Магомета. Сочинение Вашингтона Ирвинга. Пер. с англ. П. Киреевского. М.: В Университетской Типографии, 1857. С. 18.

⁵⁷ Там же. С. 40.

Оставив за скобками вопрос о том, какую роль Пушкин отводил «падучей» в репрезентации коранической темы, отметим, что пространство и время в продолжении приступа не одинаковы для эпилептика и его наблюдателей, поэтому концепт длительного мгновения, когда человек успевал облететь небо, земной и подземный мир, вполне органичен и художественному миру пушкинского пророка, и художественному миру путешествующего «на седьмое небо» Магомета из повествования Ирвинга, и внутренним ощущениям Мышкина и Кириллова.

Ирвинг, разумеется, не верил в божественную миссию Магомета, ежеминутно разоблачая его как лжепророка, однако в заключении именно эпилепсия позволяет Ирвингу сделать невероятный вывод о самосознании Магомета, который так понравился Добролюбову и вполне мог быть по достоинству оценен Достоевским:

Как скоро он раз убедился, что ему сам Бог повелел идти и проповедовать веру, то уже и все свои последующие сны и побуждения он мог относить к тому же источнику; все он мог почитать за внушения той же Божественной воли, различными путями ему посланные как пророку. Мы видим, что он, когда был особенно чем-нибудь взволнован, или убежден, нередко подвергался припадкам исступления; тогда он опять мог думать, что он в общении с Божеством, и почти всегда за такими припадками следовало то, что Магометане называют откровением.

Вся сущность его поступков, до самого бегства из Мекки, обличает энтузиаста, который находился в каком-то умственном ослеплении, и был убежден глубоко, что он послан для преобразования веры: и есть что-то разительное и высо-

кое в той дороге, которую его восторженный дух пробил себе сквозь запутанный лабиринт противоположных вер и диких преданий...⁵⁸.

В приведенном отрывке из сочинения Ирвинга решается еще одна проблема, сформированная вокруг образа Магомета на Западе, значимая также для художественного мира Достоевского — проблема лжепророчества. Если до Ирвинга в подавляющем большинстве исследований считалось, что Магомет осознавал себя лжепророком, т.е. обманывал аравитян целенаправленно, то Ирвинг и вслед за ним Добролюбов и, наконец, Достоевский утвердили в русской словесности мысль о том, что Магомет был глубоко убежден в божественном источнике своей миссии. Невзирая на аспекты тирании, варварства и конфессиональной чуждости, которые обязательно сопутствовали его образу, после пушкинского цикла «Подражаний Корану» Магомет получил более сложную прописку в русской литературе второй половины XIX века, выйдя за пределы не только религиозной критики, но и поэтической условности.

---

⁵⁸ Там же. С. 255-256.

ГЛАВА 3. КОНЦЕПЦИЯ КИТАЯ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

3.1. Историография вопроса

Несмотря на многочисленные художественные детали, связанные с китайским миром, которые обнаруживаются в текстах Достоевского (романах, черновиках, записных книжках, «Дневнике писателя»), имагологический вопрос о цельности образа Китая в творческом сознании Ф.М. Достоевского до настоящего времени не поставлен. Редкие исследования, непосредственно направленные на изучение восточных мотивов Достоевского, затрагивают тему Китая только опосредованно.

Так, М. Футрелл попытался реконструировать буддийские темы Достоевского на материале философии старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы»: «<...>it can be suggested that some of the most important themes in the life and teaching of Zosima might be sympathetically appreciated by a Mahayana Buddhist. They are the concepts of active love, of brotherhood and solidarity, of responsibility for everyone and everything; and the related notion of life as paradise»⁵⁹. Как видим, американский славист реконст-

---

⁵⁹ «Можно предположить, что некоторые наиболее важные темы жизни и учения Зосимы могут быть сочувственно оценены буддизмом Махаяны. Это концепты деятельной любви, братства

руировал непосредственно эстетико-философские источники образа Зосимы, не привлекая к анализу образ Китая.

Т. Позняк в своей монографии «Достоевский и Восток» (*Dostojewski i Wschód*) стремился построить целостный образ Азии, учитывая библейские и коранические сюжеты, а также проблемы еврейства и византизма, в разные годы волновавшие писателя, но Китаю не посвятил отдельной главы, лишь вскользь связывая тему китайских ваз с именем Ч. Валиханова: «Na pożegnanie z zesłaniem otrzymał Dostojewski od swych przyjaciół syberyjskich upominki: od Walichanowa wspomnianą palisandrową skrzynkę, od innych dwie chińskie wazy, które potem “zagrają” w Idiocie (chińską wazę będzie się bał stłuc Myszkin w salonie Jepanczynów). Stała się ona symbolem kruchości życia żywego i pięknego oraz fatalistycznej presji strachu przed tym życiem na świadomość kniazia-idioty⁶⁰.

и солидарности, ответственности за всех и вся; и связанный с этим концепт жизни как рая» (Перевод наш. — П.А.). См.: *Futrell M. Buddhism and the Brothers Karamazov // Dostoevsky Studies. 1981. Vol. 2. P. 156-158.*

⁶⁰ «На прощание со ссылкой Достоевский получил от своих сибирских друзей подарки: от Валиханова палисандровый ящик, от других — две китайские вазы, которые потом “сыграют” в “Идиоте” (китайскую вазу будет бояться разбить Мышкин в гостиной у Епанчиных). Она стала символом бренности жизни, живого и прекрасного, а также символом фаталистичного давления страха перед этой жизнью в сознании князя-идиота». (Перевод наш. — П.А.). См.: *Poźniak T. Dostojewski i Wschód. Wrocław, 1992. K. 23.*

Исключение составляет статья Г. Красновой «Достоевский и Китай»⁶¹ — первый опыт постановки китайской темы достоевсковедения: Китай выделен в отдельную проблему, рассмотрены биографические истоки писательского интереса к Китаю и китайской культуре (влияние Чокана Валиханова), упомянуты и бегло охарактеризованы наиболее заметные китайские детали художественного мира романов «Записки из Мертвого дома» (китайские фонарики Аким Акимыча), «Белые ночи» (китайский принц), «Преступление и наказание» (цветы в китайских банках), «Униженные и оскорбленные» (китайский халат и китайские туфли), «Бесы» (китайские вазы), «Братья Карамазовы» (китайский фонарь, китайские ширмочки), «Идиот» (китайская ваза).

Не забыла Краснова упомянуть эпизод воображаемого китайского посещения Достоевским и князем Мещерским китайского Главного управления по делам печати, описанного во «Вступлении» к первой публикации рубрики «Дневника писателя» в 1873 году, с подробным погружением в китайский мирозобраз. Однако статья с многообещающим названием «Достоевский и Китай» не является исчерпывающей ни в фактическом, ни в концептуальном отношении, поэтому не может служить отправной точкой имагологических исследований ориентализма Достоевского.

Во-первых, Г. Краснова неоправданно мало привлекает черновые материалы к романам и «Дневнику писа-

---

⁶¹ Краснова Г. Достоевский и Китай // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 373-378.

теля», где китайская тема демонстрирует большее многообразие. Все остальные примеры, приведенные в статье, даны бессистемно и с явной целью самим своим количеством обратить внимание несведущих читателей на эту новую и, в некотором роде, спорную область.

Во-вторых, генезис китайской темы объясняется исключительно влиянием одного человека — знаток и любитель китайской культуры Ч. Валиханов много рассказывал Достоевскому о своих путешествиях в Кульджу и Кашгар, дарил ему предметы китайской культуры, но главное — своей ранней смертью «на границе Казахстана и Китая»⁶² вывел тему Китая в русло религиозно-философских проблем. Преувеличивая роль Валиханова, Краснова совершенно забывает о культурном и международном контексте: китайские вазы, туфли, фонарики, ширмы, халаты и т.п. — распространенные маркеры европейского стиля «chinoiserie», включенного в русскую культуру еще в XVIII веке в результате не русско-китайского, а русско-французского взаимодействия⁶³. Во второй половине XIX века эти реалии не всегда могли быть напрямую связанными с китайской культурой. Как и в случае с аналогичной турецкой бытовой фактурой⁶⁴,

---

⁶² Краснова Г. Указ. соч. С. 375.

⁶³ Подробнее см.: Фишман О.В. Китай в Европе: миф и реальность (XIII-XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 403-406.

⁶⁴ Алексеев П.В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века: от А.С. Пушкина

они могли иронически обозначать аристократические претензии персонажа. Кроме того, Китай в период 1860-80-х годов стал активной повесткой имперского дискурса в вопросах культурного и экономического развития Сибири, а также колониальных интересов в среднеазиатском и дальневосточном направлениях. Поэтому круг лиц, способных влиять на актуализацию китайских тем у Достоевского, необходимо расширить, как минимум, до его знакомых монархическо-охранительного направления мысли.

В-третьих, Краснова либо неверно толкует функции указанных китайских мотивов, либо дает одностороннюю трактовку, и главное — не дифференцирует их по степени значимости. Так, красные ширмочки в доме старика Карамазова не могут по аналогии с эфемерным счастьем четы Маслобоевых из «Униженных и оскорбленных» олицетворять вдребезги разбитые «мечты о “китайском” счастье»⁶⁵. На самом деле «китайское» здесь — ориенталистский намек на сладострастно-деспотическую натуру Федора Павловича (ширмочки, возможно, не имели никакого отношения к Китаю, «китайскими» их нарек хозяин дома), а «красное», как и цвет ягод, бросившийся в глаза Ивану Карамазову — это предвосхищение будущих кровавых событий. Таким образом, концепты «кровь», «сладострастие», «тиран» в одном контексте с «шелковым халатиком <...>, подпоясанном шелковым же шнур-

---

к Ф.М. Достоевскому. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 2015. С. 294-295.

⁶⁵ Краснова Г. Указ. соч. С. 376.

ком с кистями»⁶⁶ формируют более сложный ориенталистский фон, чем это представлялось ранее.

Разбившаяся китайская ваза в доме Епанчиных, конечно, предваряет и, в некоторой степени, даже фаталистически предопределяет трагическое «будущее главных героев романа, и прежде всего самого Мышкина»⁶⁷, однако этот сюжетный ход в романе становится возможен не только потому, что ваза китайская, но и потому, что она — хрупкий и прекрасный предмет интерьера. Эти характеристики вазы не менее значимы, чем ее инокультурная принадлежность. При этом важно уточнить, что элемент китайской вазы в творчестве Достоевского более значим, чем элемент китайских фонариков, поскольку первое — элемент сюжета, а второе — деталь художественного мира.

В то же время надо отдать должное — именно Краснова впервые обнаружила, что интерес писателя к Китаю выходил за рамки поверхностного. Китайские реалии, считает исследовательница, «пронизывают все творчество Достоевского после 1856 года и имеют отношение практически ко всем сторонам бытия: от важнейших духовных исканий до предметов материальной культуры. Можно, пожалуй, говорить о целых системах повторяющихся “китайских мотивов”, которые всегда идеологиче-

---

⁶⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 14. С. 353.

⁶⁷ Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 269.

ски и художественно значимы и которые играют важную роль в структуре романного повествования»⁶⁸.

Это замечание не будет преувеличением, если учесть уже упомянутую ранее особенность художественного метода Достоевского — автореминисцентность: важные для писателя идеи, концепты, черты характеров персонажей, детали художественной реальности «кочуют» из произведения в произведение, вступая в разнообразные смысловые отношения в пределах новых контекстов. Если китайская тема демонстрирует столь явные признаки автореминисцентности, значит образ Китая был связан с какими-то важными понятиями, и только китайские (а не индийские, африканские, турецкие или арабские) элементы были наиболее удобны для выражения этих важных понятий.

3.2. Основные черты образа Китая у Достоевского

Внимательное рассмотрение китайских деталей в романах, публицистике и черновых материалах приводит к мысли, что образ Китая в сознании Достоевского основывался на трех узловых концептах: изолированная и удаленная от Европы самодостаточная страна, составляющая отдельный тип цивилизации; «четыре-тысячелетняя» густонаселенная восточная страна, обладающая потенциальной опасностью для России, прежде всего —

---

⁶⁸ Краснова Г. Указ. соч. С. 378.

ее сибирских владений; страна с особым укладом жизни и общественного устройства, именуемым «китайщина» — отсталость, косность, гипертрофированная склонность к церемониям.

Все упоминания о Китае, китайском народе и его культуре, так или иначе, тяготеют к этим трем блокам. Рассмотрим их подробнее.

3.2.1. Китай как далекий «Другой»

Первая важная характеристика Китая в творческом наследии Достоевского — это географическая удаленность от Европы. Именно представление об изолированной удаленности Китая позволяет Достоевскому соглашаться с героем комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1822-1824) Чацким, предлагавшим занять у китайцев «премудрого у них незнания иноземцев»⁶⁹ и развивать важную религиозно-философскую тему невозможности построить счастье на страданиях живого существа, особенно, если это существо явно слабее того, кто об этом рассуждает.

Эта тема была положена в основу романов «Преступление и наказание» (1865-1866) и «Братья Карамазовы» (1878-1880): в первом случае Раскольников слышит в трактире идейно близкую ему теорию о праве убить никому не нужную старушку во имя «молодых, свежих сил»,

---

⁶⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 26. С. 218.

а во втором случае Иван Карамазов рассуждает об отказе от высшей гармонии, которая не стоит слезинки замученного ребенка. В основе этих двух мотивов лежит философская сентенция «убить мандарина», заимствованная Достоевским из романа «Отец Горио» (1832) Бальзака⁷⁰, который, в свою очередь, позаимствовал ее из «Гения христианства» (1802) Шатобриана. В рукописи речи, посвященной пушкинскому юбилею (1880), Достоевский указал на сущность нравственной дилеммы, стоявшей перед бальзаковским Растиньяком — возможность убийства далекого «Чужого» для достижения собственного благополучия:

У Бальзака в одном романе, один молодой человек, в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах еще разрешить, обращается с вопросом к своему товарищу, студенту, и спрашивает его: послушай, представь себе у тебя ни гроша, и вдруг, где-то там, в Китае, есть дряхлый больной мандарин, и тебе стоит только здесь в Париже, не сходя с места, сказать про себя: умри, мандарин, и он умрет, но из-за смерти мандарина, тебе какой-нибудь волшебник принесет сейчас миллион и никто этого не узнает, и главное он ведь, где-то в Китае, он мандарин все равно, что на луне или на

---

⁷⁰ Подробнее об этом см.: Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. М.: Государственная Академия художественных наук, 1925. С. 64-115; Клейман Р.Я. Вселенная и человек в художественном мире Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. С. 24.

Сириусе — ну что, захотел бы ты сказать: умри, мандарин, чтоб сейчас же получить этот миллион?⁷¹

Эта нравственная дилемма у Бальзака и Достоевского основана на одной и той же колониальной характеристике Китая как Востока — его удаленности и мнимой чуждости, позволявшей европейцам не рассматривать ограбление и убийство восточного народонаселения (ср. ориенталистский концепт «subaltern», разработанный Г. Спивак) в плоскости морально-нравственных императивов христианства. В этом же контексте располагается общеориенталистский чувственный эротизм Китая, известный в XIX веке по оригинальным и стилизованным художественным произведениям и фривольным картинкам. Г. Краснова утверждает, что любитель китайской эротической литературы Ч. Валиханов мог познакомить с «нескромными» сюжетами Достоевского, однако приводит в качестве примера только пародийные наброски к «Крокодилу»⁷².

Между тем, ориенталистский стереотип о далеком и, вместе с тем, эротически доступном Китае проявился главным образом в романе «Униженные и оскорбленные» (1861), в сцене посещения квартиры сводницы Бубновой, предлагавшей столичным развратникам девочек

---

⁷¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 7. С. 341.

⁷² Краснова Г. Указ. соч. С. 378.

(на жаргоне — «машерочек»⁷³). Узнав, что прибыл Мас-
лобоев, Анна Трифионовна Бубнова

<...> совсем заметалась.

— Куда сюда? Да тут перегородка... Нет, вы нас прини-
майте получше. Мы у вас холодненького выпьем, да машеро-
чек нет ли?

Хозяйка мигом ободрилась.

— Да для таких дорогих гостей из-под земли найду; из
китайского государства выпишу⁷⁴.

Удаленность и чуждость Китая в большей степени не
идеологическая, а буквальная. Османская империя в
этом отношении совершенно другой ментальный конст-
рукт, потому что при всей своей культурологической и
конфессиональной чуждости Стамбул был простран-
ством освоенным: дипломаты, купцы, паломники, а также
дворяне, занимающиеся самообразованием, свободно
посещали турецкую столицу и писали многочисленные
травелоги. Китай — совсем другое дело. Удаленность и
закрытость этой страны формировали другой тип ориен-
тального пространства, предлагающий другие типы оп-
позиций. Так, в письме И.В. Ждан-Пушкину от 17 мая
1858 г., написанном в Семипалатинске, Достоевский рас-
суждает о пользе общественного воспитания в период
«брожения», т.е. петровских реформ, и мысль о невоз-

---

⁷³ От фр. *ma cher*, «моя дорогая».

⁷⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.,
1972-1990. Т. 3. С. 274.

возможности взаимопонимания иллюстрирует именно китайской темой:

<...> наше общество было еще в брожении и только что начинало новый путь свой. Не было ни общих правил, ни общей правды, ни общего ясного сознания, ни общего чувства чести. Тогда бывало иногда так, что два дворянина, отцы семейств, разнились между собою понятиями во всем, как Европа и Китай...⁷⁵.

Не будучи конфессиональным противником, Китай символизирует исключительно разность понятий, а не их непримиримую чуждость и враждебность. Разность понятий русских дворян, по мысли Достоевского происходит от отсутствия единого культурного языка, что в свою очередь является следствием взаимной непроницаемости, наиболее яркий образ которой — «китайская стена».

В сентябре 1860 года Достоевский опубликовал в ряде газет объявление о подписке на почвеннический журнал «Время», где использовал китайский образ в сходном значении, что и в упомянутом письме Ждан-Пушкину, только уже в контексте идеи разобщения дворян с народом. Достоевский рисует картину, в которой дворяне — иностранцы в своей стране, они также далеки друг от друга, как Китай и Европа, и объединить их может толь-

---

⁷⁵ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 28. Ч. 1. С. 309.

ко синтетическая русская идея, имеющая общечеловеческий характер:

Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался. Формы жизни, оставленные ему преобразованием, не согласовались ни с его духом, ни с его стремлениями, были ему не по мерке, не впору.

<...>

Мы не отказываемся от нашего прошедшего: мы сознаем и разумность его. Мы сознаем, что реформа раздвинула наш кругозор, что через нее мы осмыслили будущее значение наше в великой семье всех народов.

Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях...⁷⁶.

Как видно, образ китайской стены в этом контексте не является в полной мере ни отрицательным, ни положительным. В его употреблении заметно некоторое сожаление автора: возможно, если бы вместо реформ Петр возвел китайскую стену, русский народ сумел бы вырастить свое национальное величие без чужеродного влияния европейцев. Европа оказывается более чуждой русскому миру, чем Китай. Несвоевременная открытость

---

⁷⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 18. С. 3-37.

Европе, по мысли Достоевского, привела к тому, что русские не стали в полной мере европейцами, зато с успехом потеряли свою собственную идентичность. Для понимания специфики образа Китая в начале 1860-х годов необходимо обратить внимание на формирование в сознании Достоевского панславистской этико-эсхатологической концепции, «в которой находится место для славянофильских фантазий о добром, справедливом, любящем народ и любимом им русском царе, о русском народе-богоносце и т.п.»⁷⁷.

3.2.2. Россия, Китай и европейское просвещение

В первом номере журнала «Время» за 1861 год тема китайской непроницаемости получила дальнейшее развитие во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе». Исходя из идейного содержания «Введения» выясняется, что китайская стена все-таки построена: она невидима, но при этом гораздо эффективнее разъединяет Россию и Европу, чем ужасающее расстояние или каменные стены:

Если есть на свете страна, которая была бы для других, отдаленных или сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех других стран непонятою и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих. Никакой Китай, никакая Япония не

---

⁷⁷ Подробнее об этом см.: Лазари А. де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М.: Наука, 2004. С. 100.

могут быть покрыты такой тайной для европейской пытливости, как Россия, прежде, в настоящую минуту и даже, может быть, еще очень долго в будущем. Мы не преувеличиваем. Китай и Япония, во-первых, слишком далеки от Европы, а во-вторых, и доступ туда иногда очень труден; Россия же вся открыта перед Европою, русские держат себя совершенно нараспашку перед европейцами, а между тем характер русского, может быть, даже еще слабее обрисован в сознании европейца, чем характер китайца или японца. Для Европы Россия — одна из загадок Сфинкса⁷⁸.

Достоевский свободно и, как видим, вполне целенаправленно использует образ Китая для размышлений о русско-европейской цивилизационной дифференциации. Вероятным объяснением этого феномена является миф о притягательной целостности четырехтысячелетней империи, якобы не нуждающейся в Европе: Китаю не нужны европейские государственные институты — там существует оправдавшая себя система управления, основанная на конфуцианских ритуалах; Китаю не нужны европейские свободы — достаточно мудрых и заботливых монархов; Китаю не нужны идеалы европейского просветительства — в Поднебесной считают, что они достигли верха совершенства и все прочие народы высокомерно считают варварскими. Другими словами, воображаемый Китай многими своими чертами соответствует почвенническим идеалам, которых так недостает в России: он демонстрирует стройную идентичность и осно-

---

⁷⁸ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 18. С. 41.

вательную способность противостояния инокультурным влияниям.

Этот миф, несмотря на полное его опровержение в действительности (поражение Китая в опиумных войнах, глубокий кризис власти, восстания покоренных народов и т.п.), оказался очень живуч — в 1873 году в материалах к «Дневнику писателя» Достоевский утвердит похожую мысль: крепкая власть и традиции должны держать «муравейник» в повиновении, даже если потребуются пожертвовать идеалами свободы, равенства и братства⁷⁹.

Здесь прослеживается интересная закономерность. Каждый раз, приступая в качестве владельца или руководителя к публицистическому проекту, Достоевский стремится презентовать свои ключевые идеологемы, облеченные в художественно-мифологические образы, и каждый раз в системе этих образов находится место Китаю. Как и в случае с первым номером журнала «Время» в 1861 году, первый номер редактируемого Достоевским журнала «Гражданин» в 1873 году непременно содержит отсылку к мифу о живучести китайского мира и его типологической близости русскому миру. Ясно, что воображаемый Китай представлял для Достоевского интерес не только в качестве художественного приема, призванного сформировать масштабность авторских размышлений, но прежде всего — как репрезентант определенных идеологических установок автора.

---

⁷⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 21. С. 295.

В то же время воображаемый Китай Достоевского имел четкую прописку в литературном дискурсе русско-го ориентализма XVIII-XIX веков⁸⁰, обобщавшего все не-европейские страны в сверхобразе непросвещенной, не-развитой, варварской территории, находящейся в состоянии цивилизационного «сна». В этом едином ориенталистском ракурсе, объединяющем Китай с другими территориями Востока, следует рассматривать упоминания «китайщины» и «китайского уклада» в творчестве Достоевского:

Что останется после их счастья? Есть, жиреть и в карты играть. Китайский уклад (Записная книжка 1860-1862 гг.)⁸¹.

<...>

Главная мысль социализма — это механизм. Там человек делается человеком механикой. На всё правила. Сам человек устраняется. Душу живу отняли. Понятно, что можно быть спокойным, — настоящая китайщина, и эти-то господа говорят, что они прогрессисты! Господи! Если это прогресс, то что же значит китайщина! (Материалы к роману «Преступление и наказание». Отметки о Свидригайлове)⁸².

---

⁸⁰ Подробнее об этом см.: *Алексеев М.П.* Пушкин и Китай // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. С. 50-80; *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007.

⁸¹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 20. С. 195.

⁸² *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 7. С. 161.

3.2.3. Китай как угроза

Несмотря на явное соответствие общим ориенталистским стереотипам, не следует полагать, что образ Китая был целиком и полностью воображаемым.

Литературные и мифологические представления Достоевского успешно совмещались с реальными востоковедческими данными, которые он мог почерпнуть из разных источников, главные из которых — это труды профессиональных китаистов и, в первую очередь, книги и статьи основателя отечественной синологии Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа). Этот неутомимый путешественник был широко известен не только в научных, но и в литературных кругах с 1820-х годов, опубликовав в общей сложности «14 книг по истории, географии и культуре народов Китая и сопредельных с ним стран»⁸³, которые фактически открыли широкой общественности эту совершенно закрытую восточную страну. Часть этих книг в силу их специфичности и обилия статистической информации не могли быть по достоинству оценены специалистами. Но множество метких характеристик китайских порядков и нравов все-таки стали общим местом светских рассуждений, не столько опровергая, сколько дополняя и насыщая подробностями сложившийся с

---

⁸³ Хохлов А.Н. Свод законов маньчжурской династии Цин — документальная основа публикаций Н. Я. Бичурина о современном ему Китае // Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002. С. 6.

XVIII века громоздкий и противоречивый воображаемый конструкт.

Например, в книге «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» (1840) Бичурин предлагает концепты, которые позднее, в 1873 году, можно встретить в «Дневнике писателя» Достоевского:

Если бы сие не перед нашими глазами происходило, то показалось бы столь невероятным, что мы не преминули бы причислить этот народ к мифам. Обратите ли внимание на учреждения и законы Китая? Даже просвещеннейшие народы Европы могли бы кое-что заимствовать из них; со всем тем некоторые злоупотребления столь твердо укоренились, что правительство не может придумать средств к истреблению оных. <...> Но при столь странной смеси просвещения и невежества, при совершенстве в законодательстве и слабости законов в некоторых случаях, Китай, к удивлению Европейских политиков, существует более 4000 лет в качестве империи... <...>в Китае все тоже, что и у нас, и все не так, как у нас⁸⁴.

Кроме Бичурина, непосредственно посещавшего Китай, Достоевский пополнял свои знания о Поднебесной империи из газетных новостей, из бесед с Ч. Валихановым (о чем подробно говорила Г. Краснова), А.И. Исае-

---

⁸⁴ Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Соч. монаха Иакинфа. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1840. С. 114-116.

вым⁸⁵ и другими знакомыми, имевшими необходимость или обязанность собирать сведения о русско-китайских торговых и политических связях. Именно реалистические данные в контексте русско-китайских отношений, получивших свое бурное развитие во второй половине XIX века, провоцировали Достоевского на размышления о таких вопросах, как китайская угроза в Сибири, постройка транссибирской железной дороги и мнимая опасность перенаселения:

Страшный толчок ожидает общество: дорога в Сибирь, соединение с Сибирью, торговлю можно вызвать в 10 раз, а в бесплодных степях земледелие, усиленное скотоводство и даже фабрики. Россия, соединенная дорогами с Азией, скажет новое слово, совсем новое. Теперь лишь начинается.

Китай.

Обратил внимание на статью «Голоса».

Идея Мальтуса о геометрической прогрессии населения без сомнения неверна; напротив, достигнув известного предела, население может даже совсем останавливаться. La population reste stationnaire; тут, конечно, многообразные причины (так что при другом социальном положении и во Франции могло бы еще двинуться вперед население), но тем не менее, кажется, будет вернее всего последовать аксиоме, правда, еще не доказанной, но лишь предпрешаемой, именно: что территория может поднять ту численность населения, которая лишь сообразна с ее средствами и границами, а далее la population restera stationnaire. Эта аксиома ждет, может

---

⁸⁵ В период с 1851 по 1853 год А.И. Исаев служил в Семипалатинске чиновником особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа.

быть, всю Европу. Таким образом, многоземельные государства будут самые огромные и сильные. Это очень интересно для русских⁸⁶.

Если воображаемые китайцы — это сонный, патриархальный и склонный к «десяти тысячам церемоний» народ, то реальные китайцы могут представлять серьезную угрозу российским интересам. Еще в августе 1855 года, находясь в Семипалатинске, Достоевский пишет в письме А.Е. Врангелю о событиях, непосредственно связанных с последовавшей затем поездкой Валиханова в Китай: «китайцы сожгли нашу факторию в Чугучаке и консул спасся бегством»⁸⁷. Чтобы понимать важность семипалатинского периода для будущих имперских идеологов Достоевского в 1870-80-е годы, нужно вынести за скобки персональное влияние Валиханова и взглянуть на ситуацию так, как будет смотреть на нее в «Дневнике писателя» автор, объединивший интересы и судьбы православной веры и Российской империи: обе должны распространяться и доминировать.

Тема Китая в связи с сибирскими делами была чрезвычайно актуальна в Семипалатинске, ее обсуждали и за обеденными столами, и в частных письмах, и в исторических трактатах, поскольку этот город находился на пересечении важных торговых путей России с Китаем и

---

⁸⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 24. С. 89.

⁸⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 28. Ч. 1. С. 195.

Средней Азией. Но главное — в имперском дискурсе 1850-70-х годов Сибирь представлялась важным фронтиром на пути завоевания Средней Азии и усиления российского влияния на всем Востоке от Китая до Индии. Это хорошо видно из трехтомника И.И. Завалишина «Описание Западной Сибири» (1862-1867):

Сибирь неизвестна Европе и мало известна России. Отдаленность этого Края, превратная о нем понятия, отсутствие популярных описаний, доступных большинству читающих, были всегда этому причиной.

Между тем ход исторических событий на Западе, новое направление, данное международным отношениям европейских держав, прогресс идей и сближение ныне цивилизаций Европы с крайним Востоком, наконец самая неожиданность вопросов, возникших теперь в Индии и Китае, внезапно раскрыли Европе и России всю политическую и стратегическую важность Сибири. Соприкасаясь Китаю и Индии берегами Или и Амура, Сибирь должна неминуемо сделаться в недалекие времена ареной, на которой столкнутся неизбежно Европа и Россия, русские стремления с стремлениями западными, чтобы из этой борьбы двух противоположных начал вывести новую судьбу мира и новую историю человечества!⁸⁸

Несомненно, подобные представления о сибирском и среднеазиатских фронтах России были частью актуальных знаний Достоевского, но они не были востребо-

---

⁸⁸ Завалишин И. Описание Западной Сибири: В 3 т. Сибирско-киргизская степь. М.: Издание Общества распространения полезных книг, 1862-1867. Т. 1. С. 1.

ваны в связи с тем, что художественные задачи, стоявшие перед ним в 1850-60-е годы, не предполагали обращение к имперской практике или точным востоковедческим знаниям. Автору более важен был воображаемый, целиком и полностью литературный Китай, в котором нет восстаний тайпинов или дунган, который не несет тяжелые потери, становясь полуколониальной страной в результате двух опиумных войн, в котором правящая маньчжурская династия испытывает глубочайший кризис и менее, чем через полвека прекратит свое существование.

В 1870-е гг., особенно в преддверии русско-турецкой войны, когда международные и имперские проблемы заняли большое место в общественных дискуссиях, тема китайской опасности в Сибири получила свое развитие у Достоевского в его публицистической активности. Уже в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за 1876 год видно, что Достоевского сильно беспокоили экономические и культурные успехи Китая и Японии на фоне застоя в пустующей Сибири, служащей лишь местом каторги⁸⁹.

Он боялся, что Сибирь достанется китайцам (или американцам) и собирался в связи с этим написать отдельную статью, отказавшись от этой затеи только по настоятельному совету видного ориенталиста и началь-

---

⁸⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 22. С. 137-138, 145, 389.

ника Главного управления по делам печати В.В. Григорьева⁹⁰.

Но, несмотря на этот наметившийся интерес к реальному Китаю, сама китайская тема не обнаруживается в его художественных планах. Китай в поэтике Достоевского продолжал выполнять функции далекого «Другого» — воображаемого двойника России, одновременно отражающего мечты русского мира о четырехтысячелетней империи и демонстрирующего его самые отвратительные пороки.

---

⁹⁰ *Архипова А.В.* Блок и Достоевский. Статья 1 // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. С. 119.

ГЛАВА 4. КИТАЙСКАЯ ТЕМА В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1873 ГОД

4.1. Художественно-публицистическая основа «Дневника писателя»

С января 1873 по март 1874 года Ф.М. Достоевский редактировал еженедельный журнал «Гражданин», издававшийся на средства князя В.П. Мещерского и имевший репутацию консервативного, монархического и националистического.

Решение выступить в новой роли, которое уже в феврале 1873 года в письме М.П. Погодину Достоевский назовет «большим сумасбродством»⁹¹, имело серьезные последствия как для самого писателя, так и для истории русской литературы. Работа в редакции «Гражданина» обогатила Достоевского издательским опытом, но главное — дала возможность быстрой связи с читателями, что было особенно важно по получении разгромных отзывов на роман «Бесы» (подробно этот вопрос изложен в статье О.В. Захаровой⁹²): писатель остро переживал, что

---

⁹¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 29. Ч. 1. С. 264.

⁹² Подробно этот вопрос изложен здесь: Захарова О.В. Спор с Достоевским о «Бесах»: проблема непонимания романа в при-

главные мысли романа, обращенные к актуальнейшим вопросам общественно-политической жизни империи, не были поняты совсем или были поняты превратно. Поэтому не только большая материальная нужда, но и стремление прямо сформулировать свою общественно-политическую позицию по важным для него темам подтолкнула писателя взяться за выполнение редакторской роли.

Появление в первом же номере журнала, подготовленного Достоевским, рубрики «Дневник писателя» — явное стремление сформировать необходимое для этого пространство трибуны и диалога на перекрестке художественной и публицистической традиций. Единство, а не параллелизм художественного и публицистического начал, как считалось ранее⁹³, в «Дневнике писателя» — исходная позиция, объясняющая многие его особенности.

Этот проект оказался вполне жизнеспособным и вне «Гражданина» — в 1876, 1877, 1880 и 1881 годах он выходил в формате отдельного издания — уникального для того времени моножурнала, совмещающего в своей структуре не только злободневную публицистику, но и художественные произведения малых прозаических жанров — явная реализация замысла «Записной книги» 1864-1865-х

жизненной критике // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 143-162.

⁹³ Прохоров Г.С. О композиции «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 14 (305). С. 58.

годов⁹⁴. Открытость поэтики Достоевского к прямому диалогу с читателем связана с феноменом ее полифоничности: по словам М.М. Бахтина, «всюду его мысль пробирается через лабиринт голосов, полуголосов, чужих слов, чужих жестов. Он нигде не доказывает своих положений на материале других отвлеченных положений, не сочетает мыслей по предметному принципу, но сопоставляет установки и среди них строит свою установку»⁹⁵.

«Дневник писателя» на сегодняшний день остается одним из самых интересных объектов исследования творческой лаборатории Достоевского, особенно в свете новых методов и подходов к изучению имперского и ориентального в национальной словесности. Такой подход позволяет обратить внимание на те элементы «Дневника писателя», которые ранее могли казаться случайными и бессистемными, например, китайские мотивы во «Вступлении» к первой публикации этой рубрики в 1873 году.

Китайские мотивы в «Дневнике писателя» в этом отношении мало исследованы: монографические труды отсутствуют, и все, от чего можно оттолкнуться в изучении этой темы — это короткие примечания в тридцатитомном собрании сочинений и редкие попытки интерпретации в статьях, не посвященных непосредственно «Днев-

---

⁹⁴ Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. М.-Л.: Наука, 1964. С. 312.

⁹⁵ Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. М.: Языки славянской культуры, 1997-2012. Т. 2. С. 67.

нику писателя». Дополнительным и важным подспорьем для решения этой проблемы видится книга известного китаиста А.В. Лукина, посвященная образам Китая в русской словесности XVII — XX веков. На разнообразном художественном материале он реконструирует эволюцию образа Китая в России, упоминая вкратце и китайские мотивы во «Вступлении» к «Дневнику писателя» за 1873 год.

Но, несмотря на некоторые верные замечания, касающиеся стереотипности китайских образов, в целом его выводы в отношении Достоевского не вполне корректны: во-первых, А.В. Лукин считает первую публикацию «Дневника писателя» идеологически близкой либеральным кругам: «идея превращения России в новый, застойный Китай здесь близка аналогичным мыслям А. И. Герцена, Д. С. Мережковского и других»⁹⁶, во-вторых, делается предположение, что случайная статья «Московских ведомостей» спровоцировала «писателя на сатирическое описание воображаемой поездки в компании с В. П. Мещерским в воображаемое китайское Главное управление по делам печати»⁹⁷.

На деле все, по-видимому, гораздо сложнее: бюрократический Китай у Достоевского — амбивалентный ориенталистский образ, сочетающий в своей структуре не только отрицательные, но и положительные коннотации, а случайная статья о бракосочетании китайского

---

⁹⁶ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. — М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. С. 151.

⁹⁷ Лукин А.В. Указ. соч. С. 150.

императора никак не объясняет столь масштабное ориентальное вступление в журнальную рубрику, не предназначенную для обсуждения внешнеполитических событий.

Для того чтобы приступить к целостному решению этих вопросов, необходимо признать, что «китайское» начало «Дневника писателя» являлось системным проявлением художественного мышления Достоевского, в структуре которого значительное место занимали элементы русского ориентализма. Русский ориентализм — это не столько увлеченность восточными темами и не стилистические приемы их изображения, сколько, прежде всего, тип художественного мышления, возникший в контексте имперских колониальных практик Западной Европы и России и основанный на специфическом философско-поэтическом представлении о мире, воображаемо разделенном на Россию, Запад и Восток⁹⁸.

Для подобных представлений в XIX веке особенно характерна связь ориентальных образов с проблематикой русской национальной идентичности в имперском дискурсе, что мы и наблюдаем с первых страниц «Дневника писателя».

---

⁹⁸ *Алексеев П.В.* Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. С. 5.

4.2. Китай и проблема идентичности в имперском дискурсе

Вступление в «Дневник писателя» имело вполне конкретные цели — самопрезентацию Достоевского в качестве редактора «Гражданина» и представление невиданной до того момента рубрики, в которой известный писатель будет «говорить сам с собой и для собственного удовольствия, в форме этого дневника, а там что бы ни вышло»⁹⁹. Объявление нового редактора и экспериментальной рубрики должны были спровоцировать читательский интерес к изданию, которое нельзя было назвать ни передовым, ни преуспевающим, и к редактору-романисту, который не «исписался», и не разочаровался в своем творчестве от яростной критики демократического авангарда, а просто перешел в другой формат. Это событие необходимо было подать как нечто особенное, но не выводящее Достоевского из литературного круга, поэтому нарочитая литературность и самоирония были весьма кстати:

Двадцатого декабря я узнал, что уже всё решено и что я редактор «Гражданина». Это чрезвычайное событие, то есть чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать), произошло, однако, довольно просто. Двадцатого декабря я как раз читал статью «Московских ведомостей» о бракосочетании китайского императора; она оставила во мне сильное

---

⁹⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 21. С. 7.

впечатление. Это великолепное и, по-видимому, весьма сложное событие произошло тоже удивительно просто: всё оно было предусмотрено и определено еще за тысячу лет, до последней подробности, почти в двухстах томах церемоний. Сравнив громадность китайского события с моим назначением в редакторы, я вдруг почувствовал неблагодарность к отечественным установлениям, несмотря на то что меня так легко утвердили, и подумал, что нам, то есть мне и князю Мещерскому, в Китае было бы несравненно выгоднее, чем здесь, издавать «Гражданина»¹⁰⁰.

Параллель между восточным монархом и русским писателем — не просто игра слов, вызванная чтением новостной статьи. За комическим сравнением двух «эпохальных» событий стоит ряд значимых смыслов, вкладываемых Достоевским в понятия «китайское» и «ориентальное». Этот ряд смыслов и помогает понять, почему из всех ориентальных пространств, известных писателю, образ Цинской империи послужил наиболее удобным литературно-публицистическим приемом для разговора о творчестве, журналистике и уровне читательского и гражданского самосознания в России.

Рассмотрим подробнее, какие компоненты этого образа были наиболее значимы для Достоевского в декабре 1872 — январе 1873 года. Прежде всего в этот период Китай из далекой экзотической страны, до которой трудно добраться, превратился в арену экономических и политических интересов крупных европейских держав и Рос-

---

¹⁰⁰ Там же. С. 5.

сии¹⁰¹. Этот регион особенно заинтересовал российскую общественность во второй половине 1860-х — начале 1870-х годов в связи с активизацией среднеазиатского и дальневосточного направлений имперской внешней политики. После второй опиумной войны империя, управляемая династией Цин, была чрезвычайно ослаблена, и это создавало благоприятные возможности для того, чтобы в противовес англичанам и французам осуществить своего рода реванш на Востоке после Крымской войны. Проведение выгодной для России демаркации границы по Амуру в 1860 году и вторжение российских войск в Синьцзян после дунганского восстания 1864 года — яркие свидетельства активизации дальневосточного направления царской политики.

Эти и многие другие события, освещаемые в прессе и обсуждавшиеся в самых разных общественных кругах, привели к тому, что в русском общественном сознании возникло еще одно мощное мифогенное пространство западно-восточной дихотомии, в котором типологические черты западного и восточного активно использовались для определения границ русской и европейской идентичности.

---

¹⁰¹ См.: *Дацышен В.Г.* История русско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2000; *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1896. М.: Изд-во АН СССР, 1956; *Сладковский М.И.* Отношения между Россией и Китаем в середине XIX века // Новая и новейшая история. 1975. № 3. С. 55–64.

Идентичность разнообразных народов Востока мало интересовала как либеральную, так и монархическую прессу, но формирующийся национальный образ Китая выступил важной точкой несогласия. Как справедливо заметил Чж. Сунь, такие официозные издания, как «Московские ведомости», «Новое время», «Русский вестник», «Гражданин» и др. «не хотели упустить китайского рынка, крайне боясь пробужденного не Россией, а Западом Китая», поэтому «большинство из них предпочитало неподвижный Китай динамичной и агрессивной Японии», либеральная же пресса клеймила деспотическую восточную страну, в подтексте подразумевая и российское самодержавие¹⁰².

В этой связи интересен не столько выбор Достоевским темы Китая, сколько характер его изображения — с одной стороны, он мало соответствует демократическим взглядам, с другой стороны, продолжает эксплуатировать самый общий стереотип застойного «китайского уклада», сформулированный еще в записных книжках 1860-1862-х годов — «есть, жиреть и в карты играть»¹⁰³, вполне пригодный для критических рассуждений об отечественном образе жизни.

«Русский вестник» и «Московские ведомости», которые в эти годы редактировал М.Н. Катков, входили в

---

¹⁰² Сунь Чжинцин. Русская публицистика о проблемах внешней политики России в отношении Китая: конец XIX — начало XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 9.

¹⁰³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 20. С. 195.

круг обязательного чтения Достоевского, и именно из них писатель часто пополнял свои знания не только о российских и международных событиях, но также и об интересах Российской империи на Востоке с позиции правящих кругов. Примечательно, что в 1871 году влияние монархических журналов на Достоевского высмеял Д.Д. Минаев, предложив рассматривать роман «Бесы» как иллюстрацию «к передовым статьям “Московский Вестник” <...>, переданным в форме диалогов и приправленным нервно-болезненным анализом»¹⁰⁴.

Таким образом, статья о бракосочетании императора Тунчжи обратила на себя внимание писателя не столько в плане книжного экзотизма, сколько в плане идейных устремлений круга М.Н. Каткова, В.П. Мещерского, В.В. Григорьева и др. Особенно важно отметить, что с ориенталистом Григорьевым, занявшим в 1874 году должность начальника Главного управления по делам печати, Достоевский будет советоваться по широкому кругу проблем: от цензурных вопросов издания «Гражданина» до вопросов, непосредственно касающихся научных интересов востоковеда, о чем свидетельствуют, например, следующие отметки в записной книжке за 1875 год:

---

¹⁰⁴ *L'homme qui rit* [Минаев Д. Д.]. Невинные заметки // Дело. 1871. № 11. Ноябрь. С. 58.

С В.В. Григорьевым поговорить: 1) о провинциальной печати и 2) о наших азиатских окраинах (будет ли справедлива мысль о китайцах?)¹⁰⁵.

Китайская тема «Вступления» не ограничивается аллюзией на императора Тунчжи. Фразой «нам, то есть мне и князю Мещерскому, в Китае было бы несравненно выгоднее, чем здесь, издавать “Гражданина”»¹⁰⁶. Достоевский вышел за пределы литературно-публицистического приема «красного словца» и переместил центр тяжести всей первой публикации «Дневника писателя» от 1 января 1873 года в сферу типологического различия западного и восточного, и именно это различие составляет основу первых двух эпизодов — «I. Вступление» и «II. Старые люди»: в первом эпизоде обыгрывается типология русского и восточного (на материале китайского мира и индийской притчи), во втором — типология русского и западного (на материале воспоминаний о Герцене и Белинском).

---

¹⁰⁵ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 27. С. 112.

¹⁰⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 21. С. 5.

4.3. Китай, «китайщина» и ориенталистские стереотипы

Китай и его социокультурные процессы Достоевскому были совсем не интересны: он не упоминает здесь ни реакцию китайского народа на опиумные войны, ни восстания тайпинов и дунган, ни наличие в Китае либерально настроенных государственных и культурных деятелей (Вэн Тунхэ, Вэнь Тинши, Ли Вэньтянь, Цзян Бяо, Хун Цзюнь, Тань Сытун, Линь Сюй, Тан Цайчан, Цзэн Пу и др.), ни какие-либо другие известные ему данные, свидетельствующие о сложностях развития реально существующего Китая.

Кроме того, он мог бы более пристально взглядеться в противоречивую фигуру 17-летнего китайского императора, запомнившегося современникам как реформатор, инициировавший попытку вестернизации государственных институтов Цинской империи: вторая опиумная война явно продемонстрировала необходимость подобных перемен. Ничего этого во «Вступлении» нет.

Картина реформирующейся по западным образцам восточной деспотии, как свидетельствует текст «Дневника писателя», — совсем не то, что требовалось Достоевскому. Он опирается не на доступные ему востоковедческие данные, а на базовые концепты ориентализма, конструирующие воображаемое пространство мифопоэтического Китая. В этом варварском традиционалистском государстве коррупция и всемогущая бюрократия выступают не язвами общества, а знаками могущества и крепости государственных и социальных институтов.

Никоим образом не уточняется, что для Китая этот порядок плох: в базовых представлениях ориентализма восточный человек не способен существовать вне традиционного уклада и тирании.

Вспомним парадоксальную мысль Н.В. Гоголя, чье творчество имело большое влияние на Достоевского: на воображаемом им арабском Востоке «правление без законов двигалось крепко и определенно»¹⁰⁷, и именно внедрение европейского просвещения и европейских институтов послужило главной причиной упадка арабского халифата во время Ал-Мамуна¹⁰⁸. Также и в отношении Китая у Достоевского: засилье бюрократии, конечно, создает многочисленные трудности, однако «крепко и определенно» защищает общество от перемен и разрушения.

Восточная тирания, обоснованная многотысячелетней традицией, смысл и значимость которой в «Дневнике писателя» никому не приходит в голову оспорить, держится исключительно на насилии и унижении. Население Востока в этой традиции жестко разделено на две группы, тяготеющие к разным полюсам: господа и рабы. Первые властвуют и унижают без всякого злого умысла, потому что так сложилось за тысячу лет и так описано в двухстах томах церемоний, а вторые с удо-

---

¹⁰⁷ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1952. Т. 8. С. 77.

¹⁰⁸ Алексеев П.В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. С. 113.

вольствием этому подчиняются. Концепт «не задумываться» при этом — ключевой в описаниях Достоевского, поэтому унижение здесь не только естественное (ср. концепцию «естественного человека» у французских просветителей XVIII века), но и вполне добровольное.

4.4. Семиотика муравейника

В черновых набросках, названных автором «Prospectus», первая фраза для «Вступления» — «полизать пол» и только после этого «Что такое Китай. Женитьба императора китайского»¹⁰⁹: являясь отправной точкой, унижение организует представление Достоевского о Китае, а через него — и о журнальной деятельности в России.

В разделе «Темы для Дневника литератора» Достоевский опять использует этот любившийся ему образ: «Китайщина, муравейник. Лизать пол, есть рис»¹¹⁰. Черновые наброски помогают понять, что исходная мысль о Китае у Достоевского была несколько сложнее, чем получилось в итоге. Так, в тетрадках несколько раз появляется слово «скучно», в смысловом отношении связанное с понятиями «китайщина» и «наличие/отсутствие свободы»:

---

¹⁰⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 21. С. 294.

¹¹⁰ Там же. С. 296.

Скука! Что такое скука? Ощущение несвободы, неестественности.<...> Скука и китайщина, дама и Мещерский...¹¹¹

На первый взгляд может сложиться картина целенаправленного формирования подтекста, в котором образы Китая сближаются с либеральными идеями, однако дальнейшие записи это очевидным образом опровергают, декларируя безусловную ценность государственного порядка :

Никто ни о чем не задумывается, даже, может быть, и не думает, кроме как о деньгах. Я ничего против денег, а только против беспорядка. В сущности, у нас решительно тот же Китай, но только без всякого порядка, я потому так пленен Китаем, что читал статью о бракосочетании кит<айского> им<ператора>. Это прелестно¹¹².

И далее:

Будь чем хочешь, лишь исполняй церемонии. Церемонии же в сущности есть результат тысячелетней протекшей жизни, результат реализма и опыта.

Будь чем хочешь, это твое дело, убийцей, мерзавц<ем>, нищим, фанатик<ом>, но исполняй церемонии. Церемонии же это та связь, по которой муравей<ник> распасться не может. Что выше этой свободы. О конечно, живы *liberté* и *fraternité*¹¹³.

---

¹¹¹ Там же. С. 294, 295.

¹¹² Там же. С. 295.

¹¹³ Там же. С. 295.

Черновые записи демонстрируют наличие в сознании Достоевского идеи, однозначно указывающей на то, что лозунги Великой французской революции, которыми руководствуются российские «бесы» (демократы, социалисты, нигилисты), — это очевидная опасность отечественным уложениям. Главная опасность, по мысли Достоевского, заключается не в том, что «убийцы, мерзавцы, нищие и фанатики» могут сделать, а в том, что они руководствуются разрушительными идеями, в корне противоположными духовности и всечеловеческому единству. Образ муравейника в приведенной цитате — маркер системы представлений Достоевского о том, как и зачем должно быть связано российское общество (эти идеи проявлены в романе «Преступление и наказание», повести «Записки из подполья», цикле очерков-эссе «Зимние заметки о летних впечатлениях» и др.¹¹⁴).

«Муравейник» в этой системе — общество западного типа, созданное разумом и расчетом, оно живет и развивается подобно природному механизму, объединившему мелких существ в толпу, не познавшую религиозных ценностей (бога, духовности, спасения, бессмертия, осознанной жертвенности и пр.). В этом обществе «никто ни о чем не задумывается», все движимы природны-

---

¹¹⁴ Подробнее об этом см.: *Ипатов С.А.* «Муравейник» в социальной прогностике Платонова и Достоевского // *Творчество Андрея Платонова*. Кн. 4. СПб.: Наука, 2008. С. 22-38; *Зохраб И.* «Европейские гипотезы» и «русские аксиомы»: Достоевский и Джон Стюарт Милль // *Русская литература*. 2000. № 3. С. 37-52.

ми инстинктами, высокие нравственные связи отсутствуют, и все потому, что каждый из этих существ по отдельности и все они вместе не обладают «правильной» верой в бога (русское православие vs. западный католицизм vs. восточное язычество). В этом контексте «китайский муравейник» мало отличается от европейских конструкторов¹¹⁵: вместо братства — церемониальная иерар-

---

¹¹⁵ В этом отношении интересна интерпретация идей Достоевского во второй памятной речи Вл. Соловьева, посвященной писателю в 1882 году:

«Мир не должен быть спасен насильно. Задача не в простом соединении всех частей человечества и всех дел человеческих в одно общее дело. Можно себе представить, что люди работают вместе над какой-нибудь великой задачей и к ней сводят и ей подчиняют все свои частные деятельности, но если эта задача им навязана, если она для них есть нечто роковое и неотступное, если они соединены слепым инстинктом или внешним принуждением, то, хотя бы такое единство распространялось на все человечество, это не будет истинным всечеловечеством, а только огромным «муравейником». Образчики таких муравейников были, мы знаем, в восточных деспотиях — в Китае, в Египте, в небольших размерах они были уже в новое время осуществляемы коммунистами в Северной Америке. Против такого муравейника со всею силой восставал Достоевский, видя в нем прямую противоположность своему общественному идеалу. Его идеал требует не только единения всех людей и всех дел человеческих, но главное — человеческого их единения. Дело не в единстве, а в свободном согласии на единство. Дело не в великости и важности общей задачи, а в добровольном ее призвании» (См.: Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 10 т. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1912. Т. 3. С. 203-204).

хия, вместо идеи спасения — идея механистического выживания. Восточная тема усиливает и усложняет концепты, ранее использованные Достоевским для критики западного мира и либерально-социалистических идей. «Китайщина» становится символом перевернутой системы ценностей, тысячи лет исправно укреплявшей восточное общество, но совершенно непригодной для России.

Кроме того, иронию и гиперболу в описании китайских «церемоний» можно воспринимать как стилистический прием, позволяющий уйти от прямого реакционного высказывания о необходимости и непреходящей ценности «результатов реализма и опыта». Благодаря гиперболическим описаниям китайской бюрократической системы монархически настроенный читатель «Гражданина» должен был извлечь одну несложную мысль: при всех проблемах цензурных запретов и необходимости кланяться всемогущим бюрократам перед выпуском каждого номера, в России все же лучше и свободнее издавать журналы, чем в варварском Китае, так как здесь не бьют по ногам бамбуковыми дощечками и нет необходимости буквально лизать пол.

С точки зрения Достоевского проблема не в отрицании свободы, а в ее рамках, не в отрицании развития, а в его сущности, не в прославлении диктатуры, а в утверждении стабильного порядка, который все более обретал ценность после «нечаевского дела».

4.5. Мифопоэтика инициации и «внутренний» Китай

В этой связи необходимо отметить еще один важный аспект концепта «унижение», не позволивший Достоевскому однозначно осуждать «китайщину», как он делал это ранее в подготовительных материалах к роману «Преступление и наказание» (1865-1866)¹¹⁶.

Воображаемое унижение Достоевского и князя Мещерского в Главном управлении по делам печати Китая — это реализация инициатического сюжета, свойственного мышлению Достоевского: обновление и развитие должно происходить через преодоление испытаний, через обязательное перенесение нравственных и физических страданий (евангельский мотив умершего зерна). Эти инициатические конструкты начали формироваться в сознании Достоевского еще в 1850-е годы, и ассоциативно связаны именно с азиатским пространством Сибири и Семипалатинска, где становление большого писателя происходило исключительно в ситуации унижения и умирания. Таким образом, если Достоевский всерьез решил, что редактирование «Гражданина» — это новый и важный этап его писательского роста, этап, на котором более четко будет осознана необходимость профетического служения России и человечеству, унижение должно стать важнейшей составляющей процесса редакторской инициации.

---

¹¹⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 7. С. 161.

Инициация как процесс перерождения и обретения нового статуса или власти через насилие прочно ассоциируется с практиками архаических обществ, в дискурсе ориентализма — с практиками восточных культур, описываемых по отношению к автору как архаичные. Поэтому сравнивая бракосочетание китайского императора со своим редакторским назначением, Достоевский выводит на первый план мифологические мотивы предопределения и обретения священной власти: как китайский император только после заключения брака получал верховную власть над подданными, так и писатель после посещения цензурного комитета обретал статус издателя.

Достоевский комически обыгрывает метасюжет инициации: оба — и редактор, и император — при этом получали священное право ни о чем не задумываться, поскольку после инициации удобно встраивались в вечный механизм империи. Ориенталистская ситуация, когда в Китае и в России «никто не задумывается» явно выводит описание Китая из плоскости ориентализации (отстраненного изобретения Востока) в ситуацию самоориентализации (придания восточных черт собственному народу в целях самокритики):

Мы оба предстали бы в назначенный день в тамошнее главное управление по делам печати. Стукнувшись лбами об пол и полизав пол языком, мы бы встали и подняли наши указательные персты перед собою, почтительно склонив головы. Главноуправляющий по делам печати, конечно, сделал бы вид, что не обращает на нас ни малейшего внимания, как

на влетевших мух. Но встал бы третий помощник третьего его секретаря и, держа в руках диплом о моем назначении в редакторы, произнес бы нам внушительным, но ласковым голосом определенное церемониями наставление. Оно было бы так ясно и так понятно, что обоим нам было бы невероятно приятно слушать. На случай, если б я в Китае был так глуп и чист сердцем, что, приступая к редакторству и сознавая слабость моих способностей, ощутил бы в себе страх и угрызение совести, - мне бы тотчас же было доказано, что я вдвое глуп, питая такие чувства. Что именно с этого момента мне вовсе не надо ума, если б даже и был; напротив того, несравненно благонадежнее, если его нет вовсе. И уж, без сомнения, это было бы весьма приятно выслушать. Заключив прекрасными словами: «Иди, редактор, отныне ты можешь есть рис и пить чай с новым спокойствием твоей совести», третий помощник третьего секретаря вручил бы мне красивый диплом, напечатанный на красном атласе золотыми литерами, князь Мещерский дал бы полновесную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчас же бы издали великолепнейший № «Гражданина», такой, какого здесь никогда не издадим. В Китае мы бы издавали отлично¹¹⁷.

Свобода от совести и от ума — часть образа редактора, в структуре которого наличествует не только идейно-художественный, но и экономический компонент. Зная плачевное финансовое положение «Гражданина», Достоевский между строк утверждает, что понимает этот щекотливый вопрос: выгода с момента инициации соотносится не только с интересами империи и общественно-

---

¹¹⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 21. С. 5-6.

сти, но и с интересами кармана издателя, что влечет за собой неминуемый в будущем конфликт интересов.

Воображая, что в варварском Китае этой проблемы просто не существует, Достоевский выстраивает еще один сюжет самоориентализации — противопоставление русского и китайского, формируя сложное целое «отторжения-согласия» по отношению к образу Китая. Это сложное целое держится на нескольких лаконичных, ироничных и, в то же время, вполне серьезных высказываниях, разбросанных между детальными описаниями поведения в воображаемом пространстве Китая, о некотором превосходстве китайского общественного устройства над российским. Воображаемый Китай стабилен и потому не требует революционной и умственной активности в гражданской сфере. Поэтому Достоевский формулирует самоориентализацию как «вестернизацию наоборот» — если вместо слова «Китай» поставить слово «Европа», получатся типичные умозаключения западников:

<...> В Китае было бы несравненно выгоднее, чем здесь, издавать «Гражданина»¹¹⁸.

<...> В Китае мы бы издавали отлично¹¹⁹.

<...> В Китае я бы отлично писал; здесь это гораздо труднее. Там всё предусмотрено и всё рассчитано на тысячу лет; здесь же всё вверх дном на тысячу лет¹²⁰.

---

¹¹⁸ Там же. С. 5.

¹¹⁹ Там же. С. 6.

¹²⁰ Там же.

<...> Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно придем к тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томов церемоний, с тем чтобы уже окончательно выиграть право ни о чем не задумываться, - нам надо прожить по крайней мере еще тысячелетие задумчивости. И что же - никто не хочет ускорить срок, потому что никто не хочет задумываться¹²¹.

Ирония или даже сарказм по отношению к западной мифологеме «догоняющей России» не позволяют говорить об отрицательном образе Китая, сформированном во «Вступлении» к «Дневнику писателя». Этот образ — сложный полемический конструкт, который не доказывает одну определенную мысль, а провоцирует читателя на типологические цивилизационные сопоставления и, таким образом, — на размышления о судьбах России. В этом его главная идеологическая и композиционная функция.

Дискурс русского ориентализма, в котором восточные образы позволяют наметить прямой выход к вопросам национального самоопределения через обсуждение «азиатчины» или «китайщины», тяготеет к созданию широкой сети интертекстуальных связей и, в конечном итоге, к формированию сверткxтекста — восточного текста русской литературы¹²². Эта особенность собирательного

---

¹²¹ Там же. С. 7.

¹²² *Алексеев П.В.* Восток и восточный текст русской литературы: концептосфера русского ориентализма: Дисс. ... доктора филол. наук / П.В. Алексеев. — Томск, 2015. С. 5.

русского образа Востока связана с тем, что русская словесность XVIII-XIX веков включила Восток в круг наиболее важных тем и сюжетов: величие и место России и русского человека в мире, личная свобода и свобода творчества от любой тирании, сущность и назначение искусства, поиски смысла жизни и др. Обращение к этим острым темам предполагает кроме всего прочего прямые или косвенные отсылки к претекстам, поскольку эта сфера имеет принципиально диалогическую структуру.

4.6. Китай и тема безумия у Достоевского и Гоголя

В этой связи интересно отметить, что китайские образы «Вступления» в «Дневник писателя» за 1873 год — это способ построения узнаваемого жанрово-тематического отклика на рассказ Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1834)¹²³.

Фантастический рассказ Гоголя от первого лица о том, как титулярный советник Поприщин сошел с ума, съедаемый маниакальной идеей поиска своего места в мире, не имел прецедента не только в творчестве Гоголя,

---

¹²³ Первая такого рода жанрово-тематическая перекличка с гоголевскими «Записками сумасшедшего» — это, конечно, «Записки из подполья» (1864), а «Дневник писателя» больше соотносится с «Выбранными местами из переписки из друзьями» (1846-1847). Но в то же время воображаемое путешествие Поприщина в концептуальном отношении — один из важнейших источников китайской темы «Вступления» в «Дневник писателя» за 1873 год.

но и во всей русской словесности. Фактической основой такого сравнения служат многочисленные упоминания столь важного для Достоевского имени Гоголя, рассыпанные по тексту «Дневника писателя». Кроме того, имя Поприщина дважды открыто упоминается в «Дневнике писателя» за 1873 год в главе XI «Мечты и грезы», где обсуждается русское пьянство, имеющее размеры, способные потрясти разум:

Мечтал же Поприщин («Записки сумасшедшего» Гоголя) об испанских делах: «...все эти события меня так убили и потрясли, что я...» и т. д., писал он сорок лет назад. Я признаюсь, что и меня иногда многое потрясает, и, право, я даже в унынии от моих мечтаний. Я на днях мечтал, например, о положении России как великой европейской державы, и уж чего-чего не пришло мне в голову на эту грустную тему!¹²⁴

<...>

Мечта скверная, мечта ужасная, и — слава богу, что это только лишь сон! Сон титулярного советника Поприщина, я с этим согласен¹²⁵.

При исследовании первой январской публикации «Дневника писателя» в 1873 году важно отметить фактическое соответствие первой части «Вступления» главам «Записок сумасшедшего», где персонаж, подобно Достоевскому, осмелился поставить свою персону в ряд важ-

---

¹²⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 21. С. 91.

¹²⁵ Там же. С. 95.

нейших газетных новостей. В главе «Декабря 5» Поприщин пишет:

Я сегодня все утро читал газеты. Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. Пишут, что престол упразднен и что чины находятся в затруднительном положении о избрании наследника и оттого происходят возмущения¹²⁶.

Главный мотив, связывающий «Дневник писателя» и «Записки сумасшедшего» — это мотив мечты о величии маленького человека, осознавшего себя в большом историческом контексте западно-восточной дихотомии. Идеологической основой такой мечты является представление о мессианской роли России в мире: если Россия играет особую роль, об этом вполне может мечтать и отдельно взятый русский человек.

Пафос иронии Гоголя и Достоевского определяет, что безосновательное всемирное величие достижимо только в мечтах помраченного сознания, тогда как настоящее величие напрямую связано со способностью здраво определять свое место. Редактор во вступлении к «Дневнику писателя» демонстративно теряет такую способность сразу после известия о своем назначении, и только посещение китайской бюрократической машины помогает ему самоопределиться. Испанские новости совершенно выбивают почву из-под ног титулярного со-

---

¹²⁶ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1952. Т. 3. С. 206.

ветника, так что на следующий день вместо того, чтобы как обычно бежать на работу в департамент, маленький человек начинает чудить:

<...> разные причины и размышления меня удержали. У меня все не могли выйти из головы испанские дела. Как же может это быть, чтобы донна сделалась королевою? Не позволят этого. И, во-первых, Англия не позволит. Да притом и дела политические всей Европы: австрийский император, наш государь... Признаюсь, эти происшествия так меня убили и потрясли, что я решительно ничем не мог заняться во весь день. Мавра замечала мне, что я за столом был чрезвычайно развлечен. И точно, я две тарелки, кажется, в рассеянности бросил на пол, которые тут же расшиблись. После обеда ходил под горы. Ничего поучительного не мог извлечь. Большею частью лежал на кровати и рассуждал о делах Испании¹²⁷.

«20 декабря» - это начало первого предложения «Дневника писателя» Достоевского, после которого сразу же теряется связь с реальностью, и автор переносит читателя в воображаемый мир Китая. «Декабря 8» - это был последний день, когда Поприщин датировал свою запись реальным числом. Рассуждения об испанских проблемах престолонаследия пошатнули остатки разума, и уже на следующий день, обозначенный как «Год 2000 апреля 43 числа», мелкий государственный чиновник, исполненный важности своего существования, высокопарно объявляет:

---

¹²⁷ Там же. С. 207.

Сегодняшний день - есть день величайшего торжества!
В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я¹²⁸.

И далее, «тридцатого февраля», Поприщин переносится в Мадрид, где происходит эпизод, структурно соответствующий эпизоду посещения Главного китайского управления по делам печати у Достоевского. В этой сцене фигурирует большой начальник, многочисленные служащие, упоминаются насильственные действия высокопоставленного чиновника и главное — совершается обряд инициации (в этом контексте также связанный с кодом Дон Кихота):

Мне показалось чрезвычайно странным обхождение государственного канцлера, который вел меня за руку; он толкнул меня в небольшую комнату и сказал: «Сиди тут, и если ты будешь называть себя королем Фердинандом, то я из тебя выбью эту охоту». Но я, зная, что это было больше ничего кроме искушение, отвечал отрицательно, — за что канцлер ударил меня два раза палкою по спине так больно, что я чуть было не вскрикнул, но удержался, вспомнивши, что это рыцарский обычай при вступлении в высокое звание, потому что в Испании еще и доныне ведутся рыцарские обычаи¹²⁹.

Достоевский описывает, что готов также покорно сносить удары бамбуковыми дощечками по пяткам, как и

---

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 211.

Порищин удары палкой по спине, поскольку в итоге подобного унижения — вступление в «высокое звание». После инициации Поприщин решает заняться государственными делами и внезапно его осеняет гениальная мысль, которую можно считать отправной точкой рассуждений Достоевского о том, что «Китай — это та же Россия»:

Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай¹³⁰.

Для чего Достоевскому понадобилась такая явная перекличка с гоголевским текстом? С одной стороны, Достоевский упорно полемизирует с грубыми заявлениями критики о содержании романа «Бесы», который совсем недавно в «Биржевых ведомостях» неким М.Н. был объявлен галлюцинациями Поприщина¹³¹, а с другой стороны, предупреждает подобные отзывы о «странности» и «болезненности» своей затеи с публичным дневником. Как мы помним, это упреждение было совсем не лишним, поскольку вскоре после выхода первого номера «Гражданина» последовала рецензия Л.К. Панютина (псевдоним — Нил Адмирари), в которой необычная рубрика Достоевского, начатая «в восточном духе» обя-

---

¹³⁰ Там же. С. 211-212.

¹³¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 21. С. 409.

зательно соотнеслась, хоть и с фактическими ошибками (у Гоголя — «дея», а не «бея»), с безумным персонажем Гоголя:

«Дневник писателя» <....> напоминает известные записки, оканчивающиеся восклицанием: «А все-таки у алжирского бея на носу шишка!» Довольно взглянуть на портрет автора «Дневника писателя», выставленный в настоящее время в Академии художеств, чтобы почувствовать к г-ну Достоевскому ту самую «жалостливость», над которой он так нехотит глумиться в своем журнале. Это портрет человека, истомленного тяжким недугом¹³².

Панютин, таким образом, как бы говорит: Достоевский начал с того, чем кончил Поприщин. Причем в обоих случаях одним из маркеров явного сумасшествия являются глубокомысленные суждения о Европе и Востоке в проспекте большой политики. Шишка под носом алжирского дея и дела Испании явно коррелируют с бракосочетанием императора Тунчжи и назначением нового редактора «Гражданина»: в обоих случаях повествователь комически сопоставляет свое частное существование с «важными» событиями мира, воображаемо разделенного на Запад и Восток.

На первый взгляд может показаться, что Панютин оказался прав, и Достоевский в дальнейшем прямо следует путем гоголевского безумца: фантастический рассказ «Бобок», начатый во второй половине января 1873

---

¹³² Там же. С. 402.

года также структурно напоминает «Записки сумасшедшего»¹³³, как и «Вступление» к дневнику писателя. Кроме того, как имперское, так и фантастическое начало «Дневника писателя» со временем будут только усиливаться (суждения о еврейском и восточном вопросах, об эмансипации и религии, о пороках и всемирном значении русского народа, публикация вставных фантастических новелл «Кроткая», «Сон смешного человека»).

Однако не стоит забывать, что Достоевский вполне открыто обыгрывал ситуацию самовозвеличивания, располагая ее в плоскости безумия, а значит это можно воспринимать как вариант осмысленной, сложнейшей и во многом противоречивой ориенталистской самокритики: в споре западников и славянофилов Достоевский был верен своим представлениям об «особом русском пути» преодоления не только соблазнов Запада, но и дремучей «китайщины».

---

¹³³ Там же. С. 403.

ГЛАВА 5. СИБИРЬ КАК ВНУТРЕННИЙ ВОСТОК В ВОООБРАЖАЕМОЙ ГЕОГРАФИИ ДОСТОЕВСКОГО

5.1. Воображаемая география Достоевского

Воображаемая география отдельного писателя или всего национального дискурса, материализованная в словесности, — сложный объект изучения. С одной стороны, сложность в том, что реальные географические объекты не совпадают с их воображенными образами, поскольку в основе этих образов функционирует миф. С другой стороны, воображаемая география представляет собой живой, не прекращающийся ни на минуту аксиологический процесс семантизации и ресемантизации больших и малых географических объектов.

В ходе этого процесса культурные ландшафты то наделяются сверхзначимостью, то выпадают из воображаемого мира: столицы государств и регионов прорастают на ментальных картах отдельно от своих стран и народов; империи теряют границы, растекаются по глобусу во всех направлениях, наслаиваются друг на друга, исчезают и появляются вновь; топосы оживают, наполняются амбивалентным содержанием и вступают в самые невообразимые отношения друг с другом.

Как показали исследования в области идеологии империй, культурной географии и национализма Э. Саида, Л. Вульфа, М. Тодоровой, Д. Уффельмана, М. Бассина, Б. Андерсона, В. Кивельсон, И. Кукулина, А. Зорина, А. Эткинда, И. Б. Нойманна, Д. Н. Замятина и др.¹³⁴, с XVIII века европейский дискурс колониальных практик генерировал в европейских метрополиях специфическое мышление географическими объектами и способствовал системному оформлению имагинативных проекций, ко-

---

¹³⁴ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Кучково поле, 2016; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003; Замятин Д. Н. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2008; Зорин А. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII - первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004; Саид Э. Культура и империализм. Спб.: Владимир Даль, 2012; Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сборник статей. М.: Новое Литературное Обозрение, 2012; Bassin M. *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century* // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96. No. 3, pp. 763-794; *Reading human geography: the poetics and politics of inquiry* / Ed. by T. Barnes, D. Gregory. London: Arnold, 1997.

торые становились первичными при восприятии карты мира: («Запад», «Восток», «Азия», «Европа», «Восточная Европа», «Русский мир» — все это сначала идеологические концепты, а уже потом некоторая материальная данность). В течение достаточно короткого исторического времени эти псевдогеографические конструкции стали определять особенности формирования как национальных нарративов России и ряда стран Западной Европы и Америки, так и особенности поэтики и мировоззрения отдельных авторов.

Творчество Ф. М. Достоевского в этом отношении — крайне интересный объект изучения. Культурно-географические концепты ориентализма всегда были частью его художественного мышления¹³⁵. Начиная со стихотворений, написанных в Семипалатинске по поводу Крымской войны, образы России, Запада и Востока демонстрируют стойкую приверженность писателя к совмещению географических конструкций с онтологическими, особенно в плане религиозно-мифологического объяснения мессианской роли России на Западе и Востоке.

С 1870-х годов Достоевский включается в публицистический дискурс и частота и интенсивность его работы с категориями воображаемой географии ожидаемо возрастают. Возникают проекции французской Вавилонской

---

¹³⁵ Алексеев П.В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому. Томск: Издательство Томского университета, 2015. С. 293.

башни¹³⁶, Германии как «серединной страны»¹³⁷, формулируются призывы к военному захвату Константинополя¹³⁸ и т.д. Российская империя, представленная в выпусках «Дневника писателя» (особенно в 1876 и 1877 годы, когда обострился балканский кризис и началась русско-турецкая война), все более увеличивается в размерах и обретает все большую значимость для всего мира — совсем иначе, чем это происходило в действительности.

Количество упоминаний Англии, Франции, Германии, Австрии, Турции исчисляется сотнями — и в каждом отдельном случае карта мира определялась мифологической основой: пространства персонифицировались, получали характеры, становились актерами финального мирового спектакля. В мифологически усложненной сети пространственных связей ангажированного автора (подчинений, оппозиций, метонимических сдвигов и т.д.), даже малые объекты, количество значимых упоминаний которых ничтожно, принимали на себя функции системных репрезентантов.

---

¹³⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 21. С. 201.

¹³⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 25. С. 156.

¹³⁸ Там же. С. 65.

5.2. Мифологические и имперские полюсы идентичности

Как справедливо заметила Н.Е. Меднис, художественное пространство Достоевского можно представить в виде шкалы, на которой концепты «*sacra* и *inferno* являются крайними точками»¹³⁹.

Вопрос о том, к какому полюсу этой шкалы тяготеет Восток и где Достоевский обнаруживает его присутствие, является мало исследованным. Между тем ориентализм писателя способен пролить свет на эволюцию его творческого метода, в котором удивительным образом соединены публицистическое, автобиографическое, философское и психологическое: «пространство, как и время, организовано в романах Достоевского таким образом, что люди перемещаются в нем, будто в своеобразном лабиринте, и, только выйдя из него, герой выходит из тупиков и ограниченностей своего сознания»¹⁴⁰.

Для того чтобы описать Восток как категорию творческого сознания Достоевского, нам потребуется ввести по меньшей мере еще одну шкалу, сформированную колониальным дискурсом Западной Европы и России XVIII–XIX вв., — шкалу цивилизованности, на которой крайними точками будут развитый Запад и варварский Восток. Первый олицетворяет прогресс, свободу, соци-

---

¹³⁹ Меднис Н.Е. *Sacra* и *inferno* в художественном пространстве романов Ф.М. Достоевского // *Ars interpretandi*. Новосибирск, 1997. С. 174.

¹⁴⁰ Там же.

альные достижения и глубину познания человеческой природы, второй маркируется как пространство насилия, деспотизма, рабства и интеллектуальной ограниченности. Однако это разделение претерпевает существенную эволюцию в русском национальном сознании еще в первой половине XIX в., когда формируется дискурс русского ориентализма, который развернул западно-восточную дихотомию в триаду «Запад-Россия-Восток».

В структуре русского ориентализма Восток приобрел дополнительную семантику: Восток является одновременно пространством варварства и смерти для русского и европейца и пространством свободы от восточного деспотизма Российской империи. Лидирующим локусом в этом амбивалентном ключе стал Кавказ — пространство, где в полной мере были реализованы концепты русского империализма, свободы, столкновения цивилизаций и политических интересов России, стран Запада (главным образом Англии) и Востока (Османской империи и Персии).

Необходимо заметить, что шкала сакральности и шкала цивилизованности являются принципиально разными механизмами познания мира, они располагаются в разных плоскостях, иногда выстраиваясь в параллель, создавая иллюзию тождества нравственного (христианского) и цивилизационного, но чаще всего — под углом друг к другу. Например, Запад может одновременно восприниматься в категориях развитого и демонического, а Восток — в категориях варварского и сакрального.

Крайне важным периодом жизни и творчества Достоевского, где были сформированы базовые принципы

амбивалентного соотношения сакрального, inferнального, варварского и цивилизованного в дискурсе ориентализма, являются годы 1854–1856: движение в пространстве Востока Достоевского совмещается с цивилизационным столкновением России, Запада и Востока — в Крымской (Восточной) войне. Анализируя восточное содержание русской словесности, нетрудно заметить, что русский ориентализм в XIX в. стремительно эволюционирует и наиболее сильно влияет на литературные процессы именно в периоды русско-европейских разногласий в восточных делах.

5.3. Проблема демаркации западного и восточного

После четырех лет каторги в омском остроге в феврале 1854 г. Достоевский переводится в звании рядового в Семипалатинск, ставший через несколько месяцев центром новой Семипалатинской области.

В пространственной перспективе исход из заточения осуществляется в дальнейшем движении на Восток — вглубь земель, ориенталистски описываемых как варварские. О том, что исключительно дискурс русского ориентализма предоставил Достоевскому средства демаркации границ Запада и Востока, однозначно свидетельствует его эпистолярный и три стихотворения, написанные в одическом ключе: «На европейские события в 1854 году» (1854), «На первое июля 1855 года» (1855) и «Умолкла

грозная война!.. <На коронацию и заключение мира>» (1856).

Наибольшее внимание среди других писем Ф.М. Достоевского этого периода следует обратить на письмо брату М.М. Достоевскому от 30 января — 22 февраля 1854 г., написанное спустя две недели после выхода из заключения и переданное не по официальным каналам связи, а потому глубоко личностное и откровенное. Это письмо наиболее значимо для понимания художественного мира Достоевского в связи с тем, что оно представляет смену биографического и творческого пласта — Достоевский впервые за четыре года имеет возможность создать подробное описание своего состояния в физическом и нравственном отношении, для чего сосредотачивается на генезисе этого состояния, формируя, по сути, художественный нарратив с автобиографическим содержанием: он рассказывает брату о своей тяжелой жизни, начиная с момента их расставания в Петербурге, и обращается к неизвестному будущему в Семипалатинске.

Анализ этого письма позволяет сделать несколько интересных замечаний об ориентализме Достоевского в связи с мифопоэтикой пространства. До сих пор никто из исследователей не обращал внимания на то, что это письмо содержит три пространственные манифестации: европейскую часть России, Сибирь как внутреннее пространство России и Семипалатинск — подлинный Восток, который хотя и принадлежит Российской империи, но, несомненно, является более восточным локусом, чем Сибирь, в связи с усилившимся мусульманским компонентом. Смена пространств в тексте также меняет стиль

повествования, эмоциональный фон и отношение автора к изображенному. Для каждого из этих пространств также характерен особый выбор персонажей. Особый статус данного письма в контексте других писем этого периода объясняется еще и тем, что такая очевидная пространственная обусловленность стиля и концептосферы текста больше нигде не встречается.

Рассмотрим эту проблему подробнее. Так, например, движение в европейской части России изображается тяжелым и унижительным, но Достоевский не теряет бодрости духа, его окружают «человеколюбивые» персонажи:

Мне было весело, Дуров болтал без умолку, а Ястржембскому виделись какие-то необыкновенные страхи в будущем. Все мы приглядывались и пробовали нашего фельдъегеря. Оказалось, что это был славный старик, добрый и человеколюбивый до нас, как только можно представить, человек бывалый, бывший во всей Европе с депешами. Дорогой он нам сделал много добра. Его зовут Кузьма Прокофьевич Прокофьев. Между прочим, он нас пересадил в закрытые сани, что нам было очень полезно, потому что морозы были ужасные. Другой день был праздничный, ямщики садились к нам в армяках серо-немецкого сукна с алыми кушаками, на улицах деревень ни души. Был чудеснейший зимний день. Нас везли пустырем, по Петербургской, Новгородской, Ярославской и т. д. Городишки редкие, не важные. Но мы выехали в праздничную пору, и потому везде было что есть и пить¹⁴¹.

---

¹⁴¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28, ч. 1. С. 167–168.

Однако ситуация меняется после того, как автор пересекает мифологическую границу Запада и Востока — Уральские горы. Здесь пространство ориентализуется за счет введения трагического кода: иное пространство, иные нравы («Омск — гадкий городишко... грязный и развратный в высшей степени»¹⁴²), иные законы, иная судьба, страх, ужас и неизвестность:

Грустная была минута переезда через Урал. Лошади и кибитки завязли в сугробах. Была метель. Мы вышли из повозок, это было ночью, и стоя ожидали, покамест вытащат повозки. Кругом снег, метель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней, назади всё прошедшее — грустно было, и меня прошибли слезы. По всей дороге на нас выбегали смотреть целыми деревнями и, несмотря на наши кандалы, на станциях брали с нас втридорога¹⁴³.

Ориентализация пространства обеспечивается образами униженных («subaltern») — героических жен декабристов, отношение к которым Достоевского более чем положительное, — и унижающих, семиотически замечающих оппозицию колонизируемых и колонизирующих. Так именно здесь Достоевский акцентирует внимание на плац-майоре Кривцове, о котором он сообщает, что он не что иное, как «мелкий варвар»¹⁴⁴ (концепт варварства позднее проявится в описаниях персонажей «Записок из

---

¹⁴² Там же. С. 171.

¹⁴³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28, ч. 1. С. 168.

¹⁴⁴ Там же. С. 169.

мертвого дома»). Семантика варварства вводится в текст при описании майора, хотя, по сути, он — колониальный администратор, а истинные варвары — это каторжные крестьяне («чужие»), которые испытывают патологическую ненависть к ссыльным дворянам, отказываясь признавать в них равно угнетенных:

Это народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали. Впрочем, посуди, велика ли была защита, когда приходилось жить, пить-есть и спать с этими людьми несколько лет и когда даже некогда жаловаться, за бесчисленностию всевозможных оскорблений. «Вы дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был, народ мучил, а теперь хуже последнего, наш брат стал» — вот тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством, которого они не могли не понимать и уважали, и неподклонимостию их воле. Они всегда сознавали, что мы выше их¹⁴⁵.

В ориентализованном пространстве Сибири автор чувствует себя оторванным от цивилизации, именно поэтому просит брата прислать ему книги, перечень которых свидетельствует об острой необходимости восстано-

---

¹⁴⁵ Там же. С. 169–170.

вить русскую (европейскую) идентичность, занимаясь переводами:

Если можешь, пришли мне журналы на этот год, хоть «Отечеств<енных> записок». Но вот что необходимо: мне надо (крайне нужно) историков древних (во французск<ом> переводе) и новых (Vico, Гизо, Тьери, Тьера, Ранке и т. д. и т. д. — примечание Ф.М. Достоевского), экономистов и отцов церкви. Выбирай дешевле и компактные издания. Пришли немедленно. <...> Знай только, что самая первая книга, которая мне нужна, это немецкий лексикон¹⁴⁶.

Иной язык и иные образы возникают в тексте после того, как в сознании (а не в действительности) оказывается пройдена граница ориентализованной Сибири — автор углубляется в еще более страшную область Востока, которая для бывшего каторжника выглядит более inferнальной и более ориентальной, чем Сибирь, в силу большого количества инородного мусульманского населения. Естественная граница возникает вместе с упоминанием «судьбы» сразу же вслед за наименованием нового направления — Семипалатинск. Возникает семантика пророчества в дискурсе фатализма:

Не знаю, что ждет меня в Семипалатинске. Я довольно равнодушен к этой судьбе. Но вот к чему не равнодушен: хлопочи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мне через год, через 2 на Кавказ, все-таки Россия! Это мое пламенное

---

¹⁴⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28, ч. 1. С. 171–172.

желание, проси, ради Христа! Брат, не забывай меня! <...> Мне надо жить, брат. Не бесплодно пройдут эти годы¹⁴⁷. <...> Услышишь обо мне. <...> На душе моей ясно. Вся будущность моя и всё, что я сделаю, у меня как перед глазами¹⁴⁸.

Пророчество в пространстве Востока имеет здесь основу одновременно архетипическую и литературно-биографическую, включаясь в пушкинский дискурс «Подражаний Корану» (1824) и «Пророка» (1826) через семантику «созревания», «чуда» и готовности к испытаниям и духовным подвигам, о чем мы говорили ранее в связи с французским источником пушкинского концепта «поэт-пророк». Именно в семантике подлинно «чужого» Востока 33-летний Достоевский, прозревший в одиночестве как Нума Помпилий, Христос или Магомет, пророчествует о начале своего подлинного пути.

В воображаемом пространстве Семипалатинска, расположенном на границе «киргизской степи»¹⁴⁹ Достоевский вновь обращается к вопросу о крайней необходимости книг, но дает уже новый перечень, который свидетельствует о религиозно-философском настрое писателя:

Пришли мне Коран, «Critique de raison pure» Канта и если как-нибудь в состоянии мне переслать неофициально, то

---

¹⁴⁷ Курсив автора.

¹⁴⁸ Там же. С. 172.

¹⁴⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28, ч. 1. С. 172.

пришли непременно Гегеля, в особенности Гегелеву «Историю философии». С этим вся моя будущность соединена!¹⁵⁰

Итак, в языке описания внешнего Востока Достоевского появляются концепты, основополагающие для конструирования мусульманского мира русским писателем: Коран, рассмотренный сквозь призму философии, и Кавказ (позднее неоднократно упомянутый в письмах этого периода) как пространство, обладающее в русской словесности первой половины XIX в. значимостью главного пространства внутреннего Востока, — уже освоенной и «присвоенной» в культурном и административном отношении мусульманской территории.

Кавказ в этом контексте представляет интересный пример пересечения упомянутых выше шкал цивилизованности и сакральности: в рамках шкалы цивилизованности Кавказ — пространство, удаленное от полюса «просвещенности», где обитают мирные и немирные ориентализованные дикари. Локус Кавказа обладает настолько сильной концептосферой в национальном дискурсе, что по отношению к менее освоенным в культурном отношении фронтам он выглядит более привлекательным даже вне романтического дискурса, неминуемо привнося в текст элементы романтической колониальной поэтики: как справедливо заметил И.Д. Якубович, кроме надежды на быстрое получение офицерского звания, «желание писателя быть переведенным на Кавказ связано с навеянными романтическими мотивами рус-

---

¹⁵⁰ Там же. С. 173.

ской литературы отношением к этому краю как к поэтическому и героическому»¹⁵¹.

Мусульманский локус Кавказа обретает ценность положительную как литературный факт, как мифопоэтическое пространство, где, говоря словами М.Ю. Лермонтова, «делаются великие имена»¹⁵². Это мусульманское пространство функционально положительно относительно дегероизованного быта каторжной Сибири и ее малопривлекательного культурного ландшафта.

5.4. Восток в поэзии Достоевского периода Крымской войны

Мусульманское пространство обретает ценность отрицательную, когда Достоевский в рамках одического жанра обращается к проблемно-тематическому комплексу восточного вопроса (сближаясь с одами М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова) — противостоянию России и коалиции в составе Англии, Франции и Османской империи.

Все три стихотворения Достоевского, посвященные Крымской войне и смерти императора Николая I, целесообразно рассматривать как некое подобие цикла: они объединены не только тематически, но и метатекстуально, адекватное понимание каждого из них может быть

---

¹⁵¹ Там же. С. 455.

¹⁵² Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. С. 103.

осуществлено только с учетом историко-культурного и биографического единства их содержания.

Оставим в стороне рассуждения об очевидных попытках Достоевского решить вопрос своей физической и литературной изоляции, открыто примкнув к официозному патриотическому дискурсу: для нас не имеет значения, насколько он был искренен в проявлении верно-подданнического духа времен Крымской войны. Главное — насколько точно Достоевский освоил язык ориентализма 1853-1856 гг., какие ключевые темы он ставит в основу своих текстов. Следует признать, что в этих стихотворениях Достоевский вполне органичен амбивалентному дискурсу русского ориентализма, в котором поиск национальной идентичности допускал и протеизм, и высокомерие по отношению к Востоку: так в XIX в. утверждалось единство русской ориентализации, русского «окультуривания» Востока.

Прежде всего, обратим внимание на то, что во всех трех стихотворениях концепты варварства приобретают функции внелитературные — знака ложной религии, которая противостоит истинной. Это отчасти противоречит его стремлению изучить Коран среди прочих книг, призванных восстановить его европейскую идентичность, но вполне соответствует формирующейся в его творческом сознании шкале сакральности: здесь ислам, Коран, турки являются персонажами не романтического дискурса, а религиозного, подчиненного задачам Российской империи. В стихотворении «На европейские события в 1854 году» Достоевский опять пророчествует, но

это пророчество вербализовано языком империи, имеющей безусловное право властвовать на Востоке:

Не вам судьбы России разбирать!
Неясны вам ее предназначенья!
Восток — ее! К ней руки простирать
Не устают миллионы поколений.
И властвуя над Азией глубокой,
Она всему младую жизнь дает,
И возрожденье древнего Востока
(Так бог велел!) Россией настает.
То внове Русь, то подданство царя,
Грядущего роскошная заря!¹⁵³

На шкале сакральности семантику варварской культуры приобретает не только Восток, но и Европа, которая встала на защиту и государственности османов, и их религиозной идентичности, как бы провозглашая свое отступничество от истинной веры:

Христианин за турка на Христа!
Христианин — защитник Магомета!
Позор на вас, отступники креста,
Гасители божественного света!
Но с нами бог! Ура! Наш подвиг свят,
И за Христа кто жизнь отдать не рад!¹⁵⁴

---

¹⁵³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. С. 405.

¹⁵⁴ Там же.

В формально симметричном стихотворении «На первое июля 1855 года», обращенном с призывом о прощении к вдовствующей императрице, Достоевский не смущается еще незаконченную войну сравнивать со славным делом 1812 г., несмотря на различные причины и имперский пафос этих войн:

Когда настала вновь для русского народа
Эпоха славных жертв двенадцатого года
И матери, отдав царю своих сынов,
Благословили их на брань против врагов,
И облилась земля их жертвенною кровью,
И засияла Русь геройством и любовью <...>¹⁵⁵

В стихотворении «Умолкла грозная война!.. <На коронацию и заключение мира>», завершающем поэтический отклик Достоевского на восточные проблемы Российской империи, автор вновь актуализует имперскую семантику через аллюзию на Петра Великого (мифологема царя-основателя):

Эпоха новая пред нами.
Надежды сладостной заря
Восходит ярко пред очами...
Благослови, господь, царя!
Идет наш царь на подвиг трудный
Стезей тернистой и крутой;
На труд упорный, отдых скудный,
На подвиг доблести святой,

---

¹⁵⁵ Там же. С. 407.

Как тот гигант самодержавный,
Что жил в работе и трудах,
И, сын царей, великий, славный,
Носил мозоли на руках!¹⁵⁶

Несомненно, стиль этих текстов говорит больше о стремлении автора подчеркнуть свою благонадежность, чем выразить собственные суждения о причинах и ходе Крымской войны, питаемые большей частью слухами или официальной прессой, достигавшей писателя с большим опозданием в семипалатинских казармах¹⁵⁷. Однако дальнейшие произведения писателя, в особенности периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг., покажут один неоспоримый факт: отношение Достоевского к роли России в восточном вопросе ничуть не изменилось, накалялся только градус имперскости.

Ориентализм писателя сохраняет тот же градус амбивалентности, рожденный на пересечении шкалы цивилизованности со шкалой сакральности. Литературный и религиозный дискурсы, смешиваясь, образуют пара-

---

¹⁵⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28, ч. 1. С. 409.

¹⁵⁷ Согласно докладу Военного министерства от 17 сентября 1856 г. Достоевский имел все основания предпринимать попытки реабилитации, так как «его величество, согласившись на производство Достоевского в прапорщики, приказал учредить за ним секретное наблюдение впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности и затем уже ходатайствовать о дозволении ему печатать свои литературные труды» (Цит. по: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. С. 520).

доксальное единство русского национального образа Востока, вынесенного Достоевским из ориенталистского контекста первой половины XIX в. (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева и др.) и сформулированного им в не менее парадоксальном философском ракурсе.

Так, в 1861 г. в статье «Свисток» и «Русский Вестник»¹⁵⁸, а потом в 1880 г., в триумфальной речи на открытии памятника Пушкину в Москве Достоевский формулирует невероятный вывод: Пушкин потому истинно народный поэт, что обладает исключительно русским качеством — «всемирной отзывчивостью», под которой он понимает глубочайшее «перевоплощение своего духа в дух чужих народов»¹⁵⁹.

Эта речь, и в частности концепция «всемирной отзывчивости», имела огромное значение, прежде всего, для самого Достоевского, посчитавшего необходимым не только опубликовать полный ее текст в «Дневнике писателя» за 1880 г., но и предпослать ей «Объяснительное слово», в котором делается логичный вывод о том, что «русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения»¹⁶⁰. «Всемирная отзывчивость» — это универсальная идея, корни которой уходят в чрезвычайное личное проживание судеб России в

---

¹⁵⁸ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 19. С. 114.

¹⁵⁹ Там же. Т. 26. Л., 1984. С. 146.

¹⁶⁰ Там же. С. 131.

восточном пространстве российской колонии в трагическую эпоху Крымской войны.

Так, развитие идеи почвы достигло в сознании Достоевского вселенского масштаба и привело его к системным определениям: мусульманский Восток в целом несет угрозу (как Азия во сне Раскольникова в эпилоге «Преступления и наказания»), но он является частью мирового человеческого единства. Ратуя за православную доминанту, Достоевский отдает себе отчет в том, что «всеотзывчивость» и диалог возможны только при наличии онтологического «Другого», в роли которого для России выступили Запад и мусульманский Восток, формирующие центральную онтологическую триаду русской цивилизации «Запад-Россия-Восток».

5.5. Алтай в воображаемой географии Достоевского

Особенность ориенталистской воображаемой географии Достоевского может быть ярко продемонстрирована на примере Алтая (Алтайского горного округа Томской губернии).

Алтай настолько малозначителен в художественном мире Достоевского, что до сих пор никто не обращал на него серьезного внимания. Действительно, в романах, новеллах, «Дневнике писателя» и письмах он повсеместно опирается на топоним Сибирь, подчеркивая его авто-

биографическую ценность, в письмах многократно¹⁶¹ указывает Барнаул (это позволяет некоторым исследователям говорить о «барнаульском мифе»¹⁶² в контексте «сибирского текста» Достоевского¹⁶³), столицу Алтайского горного округа, упоминает и другие сибирские топонимы, но вот сам Алтай как значимый объект его художественного мира словно не существует (Барнаул расположен в Сибири, как бы минуя Алтай). Но если рассмотреть Алтай на обширной воображаемой карте Достоевского 1870-х годов, обнаруживается, что этот внесистемный объект участвовал в формулировке важных ориенталистских концепций Достоевского. Рассмотрим это подробнее.

Алтай остался в памяти писателя как промежуточный пункт, в котором он не задерживался надолго. Достоевский бывал здесь по разным причинам в семипалатинский период своей жизни (главное место его посещений, конечно, Барнаул, но нужно отметить также Змеиногоorsk и Локтевский сереброплавильный завод). Поездки из Семипалатинска в этом направлении и круг

---

¹⁶¹ Подсчитано, что в письмах Барнаул фигурирует не менее 45 раз. См.: Сафронова Е.Ю. Ф.М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 82.

¹⁶² См.: Десятов В.В., Куляпин А.И. Барнаульский миф в русской литературе // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2002. С. 6-11.

¹⁶³ См.: Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография. Красноярск: СФУ, 2010.

общения Достоевского хорошо известны по эпистолярию и воспоминаниям его знакомых¹⁶⁴.

Из «дикого», «азиатского» Семипалатинска Барнаул казался желанным местом — обилие образованных горных инженеров, бывавших не только в Петербурге, но и в Европе, придавало культурной жизни города некоторый лоск цивилизованности: здесь случались театральные постановки, аристократические посиделки и обсуждения современной литературы. Одним словом, имелись все предпосылки к тому, чтобы Алтай, единственно хорошо знакомая ему часть Сибири (исключая омскую каторгу), закрепился в сознании как литературный и геопоэтический факт. Однако топоним Алтай, словно продуманный минус-прием, упрямо не встречается ни в художественном творчестве Достоевского, ни в его публицистике, ни в письмах. Это тем более странно, если учесть, что в Сибири, как считается, были сформированы многие важные особенности творческого метода Достоевского¹⁶⁵.

С одной стороны это можно объяснить тем, что концепт Сибири для Достоевского был важен своей целостностью, и не было никакого смысла дробить его на составные части, мало что говорящие петербургскому читателю. Как справедливо отметил М. Бассин, Сибирь на

---

¹⁶⁴ См.: Врангель А.Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854-56 гг. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912; Гришаев В.Ф. К пребыванию Достоевского на Алтае // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 6. Л.: Наука, 1985. С. 192–200.

¹⁶⁵ См.: Кирпотин В.В. В Сибири, по местам Достоевского // Октябрь. 1959. Кн. 4. С. 208–223.

протяжении всего XIX века была не только «иностранной, но и виртуальной *terra incognita*»: это обстоятельство, по его мнению, давало волю воображению тех, кто принимался размышлять о русском Востоке и использовал его в качестве «полупрозрачного географического холста для того, что точно называлось «экстернализацией их частного видения»¹⁶⁶.

Однажды выступив пространством, которое нельзя называть, чтобы не бросить тень на лица и события, послужившие фактической основой повествования, Алтай сохранил этот семантический ореол и в дальнейшем. Так, в рассказе «Вечный муж» (1869), который Достоевский писал в Дрездене, вспоминая параллельно адюльтер между А. Е. Врангелем и женой начальника Алтайского горного округа А. Р. Гернгросса и собственные отношения с М. Д. Исаевой, в роли художественного пространства Алтай не мог фигурировать по определению¹⁶⁷.

---

¹⁶⁶ Bassin M. *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century* // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96. No. 3, p. 765.

¹⁶⁷ Любовные перипетии А. Е. Врангеля, в которых вольно или невольно принимал участие Достоевский, прочно ассоциировались в его сознании именно с Алтаем и обещанием написать об этом роман. Так, в письме Врангелю от 9 марта 1857 года, откровенно передавая слухи о Х. (так они условно называли Екатерину Иосифовну Гернгросс), Достоевский словно делает наброски обещанного романа: «<...> меня, с самого 1-го моего приезда в Барнаул, в ноябре, поразило то, что она на меня смотрела и недоверчиво и в то же время с некоторым любопытством <...> Еще в Семипалатинске я слышал, что всеобщая молва по Алтаю припи-

Два редких исключения, когда топоним Алтая все-таки понадобился Достоевскому, связаны исключительно с чужими текстами. Первый случай — отклик Достоевского в «Дневнике писателя» за 1873 год на поэмы Н. А. Некрасова «Княгиня Трубецкая» (1872) и «Княгиня М. Н. Волконская» (1873), посвященные женам декабристов, которые последовали за своими мужьями в Сибирь. Достоевский критикует поэмы за художественную и фактическую недостоверность, приводя в пример цитаты из текста, где и появляется топоним «Алтай»¹⁶⁸:

<...>Знает ли, например, маститый поэт наш, что никакая женщина, даже преисполненная первейшими гражданскими чувствами, приявшая, чтобы свидеться с несчастным мужем, столько трудов, проехавшая шесть тысяч верст в телеге и “узнавшая прелесть телеги”, слетевшая, как вы сами уверяете, “с высокой вершины Алтая” (что, впрочем, совсем уже невозможно), — знаете ли вы, поэт, что эта женщина ни за что не поцелует сначала цепей любимого человека, а поцелует непременно сначала его самого¹⁶⁹.

сывает ей нового любовника». См.: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 28. Ч. 1. С. 272.

¹⁶⁸ В записных тетрадях 1872-1875 годов обнаруживается еще одна запись, обращенная к контексту поэм Некрасова и откликов на него в современной печати: «Буренина очень тонкие отметки, но допускает возможность поклониться и вершине Алтая» (См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 21. С. 255).

¹⁶⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 21. С. 73.

Достоевский позиционирует себя как знатока психологии каторжников и их жен, а также алтайского ландшафта, в котором он, в отличие от Некрасова, бывал. Поэтому Алтай в этом эпизоде — пространство некрасовского «поэтического» курьеза и дополнительное напоминание о ссылке в прошлом писателя, взявшегося за публицистику в форме дневника в редактируемом им же журнале «Гражданин».

С первого выпуска «Дневника писателя» тема Сибири стала эксплуатироваться Достоевским для формирования пафоса предельной откровенности — таково требование жанра. В последующих выпусках рубрики, а затем и отдельного издания «Дневника писателя» образ Сибири будет почти целиком зависеть от темы ссылки, за редким исключением, когда поднимался вопрос о будущем величии Российской империи, основанном на богатствах сибирского края:

<...>миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, — одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия¹⁷⁰.

В таких контекстах образ Алтая решительно поглощался целостным образом Сибири.

---

¹⁷⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 27. С. 37.

5.5.1. Алтай как имперский фронт

В последние месяцы работы в журнале князя В.П. Мещерского Достоевский начал работать над романом *Подросток* (1875), идейно и тематически связанным с опытом «Дневника писателя».

В черновых набросках к этой «исповеди великого грешника, написанной для себя» появляется второе значимое упоминание Алтая, которое позволяет говорить о том, что в сознании Достоевского в период 1874-1875-х годов это пространство обнаружило некоторую связь с комплексом нравственных и психологических вопросов в символическом поле геопоэтики империи.

Достоевский делает следующую зарисовку (приведем целиком с сохранением орфографии и пунктуации):

А теперь на извозчика, Петя! за мной, остальные семь рублей после обеда.

Чудный край, через Алтай

Бросив локоть¹⁷¹ на Китай,

Темя вспр-р-рыснув океаном...

– Не смей, не смей! — завопил Ламберт.

– В Балте ребра, пять к Балканам

---

¹⁷¹ В заметках, планах и набросках 1875 года «Локоть» написано с заглавной буквы. Кроме элементарной ошибки, объяснить этот факт можно также невольной ассоциацией с Локтем, наименованием изгиба р. Алея, на которой располагался Локтевский сереброплавильный завод в Алтайском горном округе (См.: *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 16. С. 421*).

Мощный тянется Гигант! –
докончил длинный уже на лестнице.

Ламберт даже было погнался за ним. Дело в том, что длинный прочел эти стихи, как бы танцуя польку, и шел притопывая и припрыгивая. Ламберт, впрочем, остановился и не погнался.

<...>

Это Пушкина стихи? — спросил он меня яростно, вот этот локоть... ребро, горне?

– Нет, не Пушкина, не знаю чьи, только не Пушкина.

– Э, всё равно! К черту!.. Это подлые стихи. Это всё ужасная дрянь, ты не поверишь, какая дрянь. Веришь, этот высокий мерзавец мучал меня дня три тому в хорошем обществе. Стоит передо мной, руку в бок и говорит эти стихи, не смеясь, и раз семьдесят говорил стихи и притопывает¹⁷².

В этом эпизоде топос Алтая также проявляется в рамках цитаты из чужого поэтического текста, имеющего отношение к пафосу героики: Достоевский неточно цитирует стихотворение «Тост» В. Г. Бенедиктова. Впервые оно было опубликовано в альманахе «Метеор на 1845 год», но, как считается, автор «Подростка» мог увидеть эти строки в «Заметках провинциального философа» Н. Шелгунова, опубликованные в 13-м номере «Недели» за 1874 год¹⁷³.

Столь пафосное антропоморфное представление Российской империи не раз было предметом насмешек со стороны свободомыслящих критиков и писателей (В. Г.

---

¹⁷² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 17. С. 117.

¹⁷³ Там же. С. 425.

Белинского, Н. Г. Чернышевского, И. И. Панаева), которые видели в таких восхвалениях больше лести, чем смысла. В 1830-е годы В. Г. Бенедиктова часто сравнивали с А.С. Пушкиным, возлагая большие надежды на его яркий поэтический талант, но с середины 1840-х годов, в том числе благодаря В. Г. Белинскому, его слава значительно померкла и он стал олицетворением поэзии «средних кружков бюрократического населения Петербурга»¹⁷⁴.

В рецензии на альманах «Метеор», из всех слабых, бессмысленных и эпигонских стихотворений Белинский подробно остановился только на стихотворении «Тост». Отзыв полон язвительных замечаний, и главные претензии, по-видимому, заключались в невообразимой выспренности и по-восточному чрезмерной сложности риторических конструкций¹⁷⁵. Белинский не скупится на иронию: «молниеносными чертами рисует потом поэт анатомию и географию России», «потом поэт, пришед в восторг, предлагает выпить сока дум и спирта мыслей», «жалеет, что не смогли выписать этого дивно-

---

¹⁷⁴ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953-1959. Т. 5. С. 349.

¹⁷⁵ В этом сборнике Бенедиктов, кроме «Тоста», опубликовал также отрывки из ориентального цикла «Крымские виды» («Пещеры», «Бахчисарай», «Горы»). Если в ориентальных стихотворениях восточных слог был уместен, то имперская экзальтация «Тоста» в этом контексте не могла не произвести на Белинского комическое впечатление.

го дифирамба вполне»¹⁷⁶. И далее критик выписывает те же строки, что позднее обратили на себя внимание Достоевского, только выделяя курсивом наиболее неудачные места и комментируя восклицательным и вопросительным знаками:

Чудный край! Через Алтай
Бросив локоть на Китай,
Темя впрыснув океаном,
В Балт ребром, плечом в Атлант (!).
В полюс лбом, пятой к Балканам -
Мощный тянется (!) гигант.

В черновике Достоевского этот стих должен быть прочитан персонажем «как бы танцуя польку», «притопывая и припрыгивая». Белинский также обратил внимание на то, что у Бенедиктова «все миры танцуют» - в ритмическом имперском восторге поэт от образа гигантской Российской империи переходит к вселенскому описанию:

Пьем в сей час благословенной
За здоровье всей вселенной,
В честь и славу всех миров -
До пределов, где созвездья
Щедры сыплют без возмездья
Света вечного дары, -
Где горит сей огонь всемирной
Будто люстры в зале пирной,

---

¹⁷⁶ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953-1959. Т. 9. С. 44-45.

Где танцуют все миры <...>¹⁷⁷

Достоевского не смущала литературная репутация Бенедиктова и его текста. Напротив, антропоморфный образ империи был прочитан им без всякой иронии. В этом заметно развитие имперских и верноподданнических интенций стихотворений, написанных им в Семипалатинске: в восторженных ура-патриотических стихотворениях «На европейские события в 1854 году» (1854), «На первое июля 1855 года» (1855) и «Умолкла грозная война <На коронацию и заключение мира>» (1856) он описывал Петра I как «самодержавного гиганта»¹⁷⁸, Россию как «исполина»¹⁷⁹, а европейские державы как школьников-шалунов, с апломбом обращаясь к ним совершенно в духе стихотворения «Клеветникам России» (1831) А. С. Пушкина:

Не вам судьбы России разбирать!
Неясны вам ее предназначенья!
Восток — ее! К ней руки простирать
Не устают миллионы поколений.
И властвуя над Азией глубокой,
Она всему младую жизнь дает,
И возрожденье древнего Востока
(Так бог велел!) Россией настаёт.

---

¹⁷⁷ Метеор, на 1845 год. СПб.: Типография Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1845. С. 8.

¹⁷⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 2. С. 409.

¹⁷⁹ Там же. С. 407.

То внове Русь, то подданство царя,
Грядущего роскошная заря!¹⁸⁰

Образ «тянущегося гиганта» чрезвычайно понравился Достоевскому: он возникает и в записях литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872-1875 гг.: «“Чудный край, через Алтай” и т.д. — в этих стихах, в которых есть как бы нечто танцующее, изображено величие России»¹⁸¹, и в записной тетради 1875-1876-х гг., где фраза «чудный край через Алтай» вписана на полях рядом с текстом «К. Аксаков. Народ перейдет разврат»¹⁸².

В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год, за месяц до начала русско-турецкой войны, Достоевский снова вернулся к вопросу о необходимости завоевания Константинополя, используя код «гигантизма»:

Да, он должен быть наш не с одной точки зрения знаменитого порта, пролива, «средоточия вселенной», «пупа земли», не с точки зрения давно сознанной необходимости такому огромному великану как Россия выйти наконец из запертой своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор,дохнуть вольным воздухом морей и океанов¹⁸³.

---

¹⁸⁰ Там же. С. 405.

¹⁸¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 21. С. 263.

¹⁸² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 24. С. 145.

¹⁸³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 25. С. 67.

Очевидно, роль Российской империи писатель мыслил вполне определенно — как провиденциальный источник спасения не только народов Российской империи, но также всего христианского мира. Другой вопрос — соответствовал ли этот пафос художественному миру «Подростка»?

5.5.2. Алтай, имперский гигант и «русская идея»

В окончательной редакции эпизод в квартире Ламберта остался структурно тем же, но содержательно изменился: «подлые» стихи, которые Андреев («длинный», «dadaïs»), приплясывая, вызывающе читал, чтобы вывести из себя хозяина квартиры, в итоге были заменены на более нейтральный возглас на французском языке:

Ohé, Lambert! Où est Lambert, as-tu vu Lambert?¹⁸⁴

Эта замена могла произойти также по цензурным соображениям: в устах «несчастливого» хулигана Андреева гротескно-телесный образ Российской империи в преддверии балканского кризиса и русско-турецкой войны 1877-1878 годов вполне мог сойти за карикатуру, в основе которой — критика имперских амбиций Александра II. В этом случае религиозно-философские мысли автора

---

¹⁸⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 13. С. 347.

могли быть превратно поняты, а образ Андреева получал излишнюю политическую ангажированность и мог спровоцировать новый виток обвинений в глумлении над демократической молодежью, как это случилось после выхода романа «Бесы» (1871-1872).

Как это часто бывало у Достоевского, авторские мысли озвучивает не протагонист, а второстепенный, далеко не симпатичный персонаж. Андреев играет малозначительную роль в мире «Подростка». Это — прекрасно образованный верзила-хулиган с грязными руками, в грязной и рваной одежде, суицидальный, агрессивный и эпатирующий своими криками добропорядочных господ. Вместе с Тришатовым он олицетворяет один из типов «потерянного поколения» 1860-х годов, испорченного дурным, по мнению писателя, влиянием французских социалистов и атеистов.

Почему Достоевский планировал вложить близкое ему описание Российской империи в уста столь ничтожного персонажа?

Во-первых, для Достоевского величие империи напрямую связано с нравственным преображением человека, наступающим после осознания своей греховности — только это является безусловным основанием мессианских претензий. Андреев и Тришатов вполне осознают глубину своего падения: ночами первый плачет, а второй мечтает сочинить оперу на сюжет из «Фауста» («Нет прощения, Гретхен, нет здесь тебе прощения!»¹⁸⁵). Инте-

---

¹⁸⁵ Там же. С. 352.

ресно, что вторая выходка «Ohé, Lambert!» Андреева связана с французским языком и поляками в эпизоде посещения ресторана: «dadais» едва не бросился с кулаками на поляков, коверкающих имя французского депутата Мадье де Монжо. Учитывая, что образы поляков у Достоевского (не без влияния реакционного идеолога М. Н. Каткова), принципиально отрицательные¹⁸⁶, эпатаж Андреева должен быть прочитан как недостойное поведение, осуществленное с вполне достойными намерениями.

По мысли Достоевского отсутствие нравственных ориентиров способствует вырождению поколения, появлению жажды власти и богатства (взаимосвязанные концепции Наполеона, Ротшильда и Магомета). Явный агент подобного влияния в «Подростке» — католик Ламберт со своей французской любовницей Альфонсиной. Он еще со времен пансиона Тушара пытался совратить Аркадия, пытается это осуществить и в ходе развития сюжета. Ламберт и ему подобные (например, «рябой») не дают выйти Андрееву и Тришатову на путь исправления — в январском номере «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский наградит всю молодежь из «Подростка» весьма грубой характеристикой: «Всё это выкидыши общества, «случайные» члены «случайных» семей»¹⁸⁷.

---

¹⁸⁶ Типологически сходные отрицательные образы поляков Муссяловича и Врублевского, коверкающих язык в пространстве питейного дома, появятся позднее в «Братьях Карамазовых».

¹⁸⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 22. С. 8.

Несмотря на то, что они — «выкидыши общества», для Достоевского они все же лучше, чем поляки и французы. Подтекстово положительные, Андреев и Тришатов помогают автору выразить близкую славянофилам (и фанатически религиозную по существу) концепцию тлетворного влияния Европы на послепетровскую Россию.

Незадолго до начала работы над «Подростком» Достоевский был чрезвычайно взволнован идеей Н. Я. Данилевского, автора книги «Россия и Европа» (1871) о необходимости завоевания Константинополя и образования вокруг этой «заветной» «царства русского» столицы (выражаясь словами Ф. И. Тютчева, восторженного поклонника константинопольской авантюры эпохи Крымской войны¹⁸⁸) конфедерации славянских народов — гиганта, который бы возлег на карте мира и постепенно подмял под себя весь мир (гигант — прекрасная метафора славянофильского концепта соборности).

В марте 1869 г. Достоевский писал Н. Н. Страхову о печатающейся в «Заре» книге «Россия и Европа»:

Статья же Данилевского, в моих глазах, становится все более и более важною и капитальною <...>. Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь на иных страницах сходству выводов <...>. Потому еще жажду читать эту статью, что сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я все еще

---

¹⁸⁸ Алексеев П.В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому. Томск: Издательство Томского университета, 2015. С. 82-83.

не уверен, что Данилевский укажет в *полной силе* (курсив автора — П.А.) окончательную сущность русского призвания, которая состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии...»¹⁸⁹.

Русская идея Достоевского, описывающая «дух» русского народа и его историческую миссию, таким образом, есть обязательный сплав православия и имперскости. Только в такой формуле русский народ, по мысли Достоевского, обретает нравственные начала и право их ретрансляции вовне (на Запад, за Балканы, и на Восток — в Среднюю Азию и Китай). Достоевский был абсолютно убежден сам и стремился убедить своих читателей в том, что и славянские народы, и весь мир будут в выигрыше от этого религиозно-имперского сюжета. Образы «потерянного поколения» в «Подростке» оказывались весьма кстати: автор «Преступления и Наказания» и «Бесов» не упускает очередной возможности вывести такие типы персонажей, которые бы составили портрет молодежи, не ведающей о своем истинном предназначении.

Вторая причина того, что именно Андреев должен был ввести мотив антропоморфной империи в текст «Подростка» связана с разработкой Достоевским исконно русских народных типов. Андреев и Тришатов — персонажи, которые олицетворяют не только потерянное в безверии поколение, но и (структурно) такие типы тра-

---

¹⁸⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 29. Ч. 1. С. 30.

диционной русской смеховой культуры как скоморохи и юродивые. Код юродивого прописан во всем образе Андреева — и в наличии грязного рванья, которого тот отнюдь не стесняется, и в манере совершать поступки «под личиной глупости и шутовства» (Андреев говорит преимущественно по-французски, специально коверкая слова, как бы передразнивая русских дам, отдыхающих на минеральных водах), и в публичном шокирующем поведении, и в провозглашении загадочных отрывистых фраз, на первый взгляд мало согласованных между собой, но имеющих прямое отношение к неким «глубоким смыслам».

В этом контексте аллюзия на имперскую мощь, скрытая за образом «прекрасного края», вложенная в уста юродивого, может быть понята как внезапное и прямое провозглашение авторской интенции: Россия не формируется, что являлось бы процессом внутреннего собирания, а пробуждается. России интересны не столько фронтирные топосы, сколько их направленность.

Алтай, а не более крупный объект — Сибирь, в этой художественно-идеологической конструкции возник вполне закономерно, поскольку мог быть описан как более точечный объект воображаемой географии Достоевского, через который «мощному гиганту» удобнее «бросить локоть» и приготовиться сокрушить неправославный мир так же, как крушит головы юродивый Андреев. Топоним Алтай возник — и тут же исчез, поскольку в середине 1870-х годов балканский фронт стал более актуален и более удобен для визионерского провозглашения мессианских идеологом православной империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эту книгу следует воспринимать как подступ к обширной и практически неизученной ориенталистской теме «Достоевский и Восток». В дальнейшем необходимо более пристальное внимание обратить на вопросы художественного языка ориентализма Достоевского, на этапы эволюции представлений писателя о Востоке, а также на особенности позиционирования Запада, Востока и России на воображаемой карте мира, которую Достоевский сформировал в своем сознании в результате многоаспектного диалога с культурами Запада и Востока.

Выводы этой монографии можно воспринимать как базовые характеристики ориентализма Достоевского, на которых можно основывать дальнейшие исследования:

1) ориентализм Достоевского непосредственно связан с эволюцией его творческого метода, в котором соединены публицистические, автобиографические, философские и психологические начала;

2) важной точкой отсчета в жизни и творчестве Достоевского, где были сформированы базовые принципы амбивалентного соотношения сакрального, inferнального, варварского и цивилизованного в дискурсе ориентализма, является период 1854-1856 годов;

3) именно дискурс русского ориентализма предоставил Достоевскому средства демаркации границ Запада и Востока (об этом свидетельствует его эпистолярный и три

стихотворения семипалатинского периода, посвященные Крымской войне);

4) концепция фатализма, генетически связанная с мусульманской концептосферой, в художественном творчестве Достоевского появляется не часто, но, каждый раз в одном и том же контексте, где обнаруживаются мотивы безумия, рабства, тирании и попыток восстать против нее;

5) функционирование многих ориентальных тем в поэтике Достоевского объясняется склонностью писателя к интертекстуальным схемам (в частности — к авто-реминисценциям);

6) «кувшин Магомета» — один из наиболее ярких восточных образов, репрезентирующих специфику ориентализма Ф.М. Достоевского;

7) характер восприятия эпилепсии, сформированный в диалоге с книгой Ирвинга «Жизнь Магомета», является исходной точкой формирования персонального интереса к исламу и Магомету у Достоевского;

8) основная функция мотива «кувшина Магомета» - идентификационная, и она определяет остальные: нарративную (участие в развитии сюжетных линий), интертекстуальную (связь с другими текстами Достоевского и с литературными традициями России, Востока и Запада), философскую (новый взгляд на пространственно-временную организацию мира) и этическую (участие в решении проблем истинных и ложных высказываний);

9) образы Магомета у Достоевского концептуально связаны с пушкинской связкой мотивов Магомета, Кора-

на, прозрения бытия, поэтического вдохновения, а также проблемы назначения творчества;

10) одной из важных частей Востока в поэтике Достоевского является Китай. Основные черты образа Китая у Достоевского: изолированная и удаленная от Европы самодостаточная страна, составляющая отдельный тип цивилизации; густонаселенная восточная страна, обладающая потенциальной опасностью для России, прежде всего — ее сибирских владений; страна с особым укладом жизни и общественного устройства, именуемым «китайщина» — отсталость, косность, гипертрофированная склонность к церемониям;

11) обнаружена интересная закономерность, которую следует изучить еще более пристально: каждый раз, приступая в качестве владельца или руководителя к публицистическому проекту, Достоевский стремится презентовать свои ключевые идеологемы, облеченные в художественно-мифологические образы, и каждый раз в системе этих образов находится место Китаю;

12) Достоевский опирается не на современные ему востоковедческие данные, а на базовые концепты ориентализма, конструирующие воображаемое пространство мифопоэтического Востока (Китай, Турции и др.);

13) воображаемое унижение Достоевского и князя Мещерского в Главном управлении по делам печати Китая в первом выпуске «Дневника писателя» в 1873 году — это реализация инициатического сюжета, свойственного мышлению Достоевского;

14) начиная со стихотворений, написанных в Семипалатинске по поводу Крымской войны, образы России,

Запада и Востока демонстрируют стойкую приверженность писателя к совмещению географических конструкций с онтологическими, особенно в плане религиозно-мифологического объяснения мессианской роли России на Западе и Востоке;

15) «захват Константинополя» — один из важных геопоэтических религиозно-политических лейтмотивов «Дневника писателя» в выпусках 1876 и 1877 годов. Достоевский воспринимал эту миссию России неотвратимой, основываясь на провиденциальных идеях;

16) особенность ориенталистской воображаемой географии Достоевского может быть ярко продемонстрирована на примере Алтая (Алтайского горного округа Томской губернии): даже малый географический объект, имеющий статус восточного фронта Российской империи, участвовал в формулировке важных ориенталистских, политических и моральных концепций Достоевского;

17) Русская идея Достоевского непосредственно связана с его концепцией Востока и описывает «дух» русского народа и его историческую миссию как сплав православия и имперскости. Только в такой формуле русский народ, по мысли Достоевского, обретает нравственные начала и право их ретрансляции вовне (на Запад, за Балканы, и на Восток — в Среднюю Азию и Китай).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М.П. Пушкин и Китай // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. С. 50-80.
2. Алексеев П.В. «Le Coran» Савари как источник «Подражаний Корану» А.С. Пушкина // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 36-43.
3. Алексеев П.В. «Китайское» вступление к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 98-112.
4. Алексеев П.В. Восток в творческом сознании Ф.М. Достоевского периода Крымской войны // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 30-43.
5. Алексеев П.В. Достоевский и Китай: к постановке имагологической проблемы // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26-29 сентября 2016 г. В 2-х т. Т. 1. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. С. 38-52.
6. Алексеев П.В. «Китайское вступление» к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 98-112.
7. Алексеев П.В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 2015. 348 с.
8. Алексеев П.В. Мусульманский Восток в поэтике Ф.М. Достоевского // Вестник Омского университета. 2013. № 4. С. 298-301.
9. Алексеев П.В. П.Я. Чаадаев и Ф.М. Достоевский: типы самоориентализации в литературном «изобретении» Востока // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 12-3. С. 157-160.

10. Алексеев П.В. Ф.М. Достоевский и кувшин Магомета // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 126-141.
11. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Кучково поле, 2016. 288 с.
12. Архипова А.В. Блок и Достоевский. Статья 1 // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. С. 90-123.
13. Барлетова Е.И., Кременчугская М.Р., Мухин К.Ю., Глухова Л.Ю., Миронов М.Б. Клиника и диагностика зрительных эпилептических аур // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2012. № 6-2. Т. 112. С. 92-97.
14. Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. М.: Языки славянской культуры, 1997-2012.
15. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953-1959.
16. Волгин И.Л. Нравственные основы публицистики Достоевского (Восточный вопрос в «Дневнике писателя») // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1971. № 4. С. 312-324.
17. Волгин И. Поверх барьеров. Загадка «Дневника писателя» // Достоевский Ф.М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 1. М.: Книжный клуб 36.6, 2011. С. 5-40.
18. Врангель А.Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854-56 гг. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912. 221 с.
19. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
20. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1952.
21. Гришаев В.Ф. К пребыванию Достоевского на Алтае // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 6. Л.: Наука, 1985. С. 192-200.
22. Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. М.: Государственная Академия художественных наук, 1925. С. 64-115.

23. Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. М.: Директ-Медиа, 2014. 593 с.
24. Де Лазари А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М., 2004. 207 с.
25. Десятов В.В., Куляпин А.И. Барнаульский миф в русской литературе // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2002. С. 6-11.
26. Дзяк Л.А., Зенков Л.Р., Кириченко А.Г. Эпилепсия. К.: Книга-плюс, 2001. 168 с.
27. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ. литературы, 1961-1964.
28. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Л., 1972.
29. Жизнь Магомета. Сочинение Вашингтона Ирвинга. Пер. с англ. П. Киреевского. М.: В Университетской Типографии, 1857. 290 с.
30. Завалишин И. Описание Западной Сибири: В 3 т. Т. 1. Сибирско-киргизская степь. М.: Издание Общества распространения полезных книг, 1862-1867. 414 с.
31. Замятин Д.Н. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2008. 760 с.
32. Захарова О.В. Спор с Достоевским о «Бесах»: проблема непонимания романа в прижизненной критике // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 143-162.
33. Зорин А. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII - первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
34. Зограб И. «Европейские гипотезы» и «русские аксиомы»: Достоевский и Джон Стюарт Милль // Русская литература. 2000. № 3. С. 37-52.

35. Ипатова С.А. «Муравейник» в социальной прогностике Платонова и Достоевского // Творчество Андрея Платонова. Кн. 4. СПб.: Наука, 2008. С. 22-38.
36. Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.
37. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
38. Кирпотин В. В. В Сибири, по местам Достоевского // Октябрь. 1959. Кн. 4. С. 208-223.
39. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Соч. монаха Иакинфа. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1840. 442 с.
40. Клейман Р.Я. Вселенная и человек в художественном мире Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. С. 21-40.
41. Книжный вестник, Журнал книжно-литературной деятельности в России. 1864. № 17 от 15 сентября.
42. Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М., 1961. 579 с.
43. Короткова О.В. Смешной человек в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: коммуникативные стратегии в публицистике // Филологические науки. 2001. № 3. С. 47-55.
44. Кочуков С.А. Ф.М. Достоевский и русско-турецкая война 1877-1878 годов // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. С. 69-73.
45. Краснова Г. Достоевский и Китай // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 373-378.
46. Лазари А. де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М.: Наука, 2004. 207 с.
47. Лебедева О.Б. Интертекстуальность «больших контекстов» в творчестве А.С. Пушкина. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag, 2014. 240 с.
48. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 10 т. М.: Воскресенье, 1999.

49. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. В 3 т. СПб.: Гуманитарное Агентство «Академический проект», 1999.
50. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 608 с.
51. Меднис Н.Е. Sacra и inferno в художественном пространстве романов Ф.М. Достоевского // *Arg interpretandi*. Новосибирск, 1997. С. 174-184.
52. Метеор, на 1845 год. СПб.: Типография Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1845. 188 с.
53. Милойкович-Джурич Е. Ответ Толстого и Достоевского на «восточный вопрос», 1875–1877. Образы себя и других // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX — первая половина XX в. / Отв. ред. Э. И. Колчинский и А. Петрович; ред.-сост. М. В. Лоскутова и М. В. Хартанович. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 47-55.
54. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1896. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 898 с.
55. Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
56. Подосокорский Н.Н. Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. 19 с.
57. Прохоров Г.С. О композиции «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 14 (305). С. 58-60.
58. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Л.: Наука, 1977-1979.
59. Пылаева О.А. «Эпилепсия Достоевского», эмоциональная провокация приступов и экстатические переживания в структуре эпилептических приступов (обзор литературы) // Русский журнал детской неврологии. 2010. Т. 5. Вып. 4. С. 39-50.

60. Саид Э. Культура и империализм. Спб.: Владимир Даль, 2012. 736 с.
61. Сафронова Е.Ю. Ф.М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 76-85.
62. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография. Красноярск: СФУ, 2010. 234 с.
63. Сладковский М.И. Отношения между Россией и Китаем в середине XIX века // Новая и новейшая история. 1975. № 3. С. 55-64.
64. Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 10 т. 2-е изд. Спб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1912.
65. Сунь Чжинцин. Русская публицистика о проблемах внешней политики России в отношении Китая: конец XIX — начало XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 246 с.
66. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
67. Уразаева К. Философская публицистика Фёдора Достоевского и статьи Чокана Валиханова: евразийство и отнология русскости // Cuadernos de Rusística Española. 2014. № 10. P. 111-122.
68. Фишман О.В. Китай в Европе: миф и реальность (XIII-XVIII вв.). Спб.: Петербургское востоковедение, 2003. 546 с.
69. Фокин П.Е. К вопросу о генезисе «Дневника писателя» за 1876–1877 гг. (Историко-литературный аспект) // Достоевский: Материалы и исследования. Спб., 1996. Т. 13. С. 120–130.
70. Фридлендер Г.М. Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста // Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М., 1971. Т. 83. С. 93–122.
71. Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964. 405 с.
72. Хохлов А.Н. Свод законов маньчжурской династии Цин — документальная основа публикаций Н. Я. Бичурина о совре-

менном ему Китае // Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002. С. 5-27.

73. Шаваринская С.Ф. Достоевский и Толстой: диалог о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 5. С. 142-145.

74. Alajouanine T. Dostoiewski's epilepsy // Brain. 1963. Vol. 86. P. 210-218.

75. Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. No. 3, pp. 763-794.

76. Baumann C.R., Novikov V.P.I., Regard M., Siegel A.M. Did Fyodor Mikhailovich Dostoevsky suffer from mesial temporal lobe epilepsy? // Seizure. 2005. Vol. 14. P. 324-330.

77. Bradford D.T. Emotion in mystical experience // Journal Religion, Brain & Behavior. 2013. Vol. 3. P. 103-118.

78. Carlyle T. On Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History/ London: Chapman and Hall Limited, 1841. 303 p.

79. Fari F. Epilepsy and Literary creativeness: Fyodor M. Dostoevsky // Friulian Journal of Science. 2003. Vol. 3. P. 51-67.

80. Futrell M. Buddhism and the Brothers Karamazov // Dostoevsky Studies. 1981. Vol. 2. P. 156-158.

81. Futrell M. Dostoyevsky and Islam (And Chokan Valikhanov) // The Slavonic and East European Review. 1979. Vol. 57, No. 1. P. 16-31.

82. Gastaut H. New Comments on the Epilepsy of Fyodor Dostoevsky. Epilepsia. 1984. Vol. 25. P. 408-411.

83. Hughes J.R. The idiosyncratic aspects of the epilepsy of Fyodor Dostoevsky // Epilepsy & Behavior. 2005. Vol. 7. Iss. 3. P. 531-538.

84. Iniesta I. Epilepsy in Dostoevsky // Progress in Brain Research. 2013. Vol. 205. P. 277-293.

85. Irving V. Mahomet and his successors. New York; London: The Co-operative Publication Society, 1849. 616 p.

86. Kuzma E. Mit Orientu i kultury Zachodu w literaturze polskiej XIX-XX wieku. Szczecin, 1980. 320 s.
87. L'homme qui rit [Минаев Д. Д.]. Невинные заметки // Дело. 1871. № 11. Ноябрь. С. 54-75.
88. Lacina R.G. Inconsistencies in Washington Irving's characterization of Mahomet in the first volume of Mahomet and His Successors. Ames: Iowa State University, 1990. 48 p.
89. Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, et précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés, Paris, Amsterdam, etc. chez les libraires associés, 1786. 484 p.
90. Poźniak T. Dostojewski i Wschód. Wrocław, 1992. 147 s.
91. Reading human geography: the poetics and politics of inquiry / Ed. by T. Barnes, D. Gregory. London: Arnold, 1997. 520 p.
92. Rice J.L. Dostoevsky and the Healing Art: An Essay in Literary and Medical History. Ann Arbor: Ardis, 1985. 352 p.
93. Rossetti A.O. Dostoevsky's epilepsy: Generalized or focal? // Epilepsy & Behavior. 2006. Vol. 8. Iss. 2. P. 446-447.
94. Thompson D.O. Islamic motifs in Dostoevsky's Literary Works, 1846-1866 // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. Budapest, 2009. P. 480-491.
95. Voskuil P.H.A. The Epilepsy of Fyodor Mikhailovitch Dostoevsky (1821-1881) // Epilepsia. 1983. Vol. 24. P. 658-667.
96. Weil G. Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre. Stuttgart, 1843. 450 s.
97. Wolf P. Epilepsy and metaphors in literature // Epilepsy & Behavior. 2016. Vol. 57. P. 243-246.
98. Wolf P. The epileptic aura in literature: Aesthetic and philosophical dimensions. An essay // Epilepsia. 2013. Vol. 54. P. 415-424.
99. Young S. Buddhism in Dostoevsky: Prince Myshkin and the True Light of Being // Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds. Essays in honour of Malcolm V. Jones. Bramcote Press: Ilkeston, Derbyshire. 2006. P. 220-229.

Научное издание

Ф.М. Достоевский и Восток

Монография

Алексеев Павел Викторович

БИЦ Горно-Алтайского государственного университета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.

Подписано в печать 25.12.2017 г. Формат 60х84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать ризо.
Печ. л. — 9,5. Тираж 500 экз.
Заказ № 152.

Отпечатано полиграфическим отделом
Горно-Алтайского госуниверситета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1